

МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ

**АРОМАТ ГРЯЗНОГО
БЕЛЬЯ (СБОРНИК)**

Михаил Армалинский

Аромат грязного белья (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379361

Аромат грязного белья. Замысловатые биографии: Ладомир; М.; 2013

ISBN 978-5-86218-507-2

Аннотация

Это второй авторский том Михаила Армалинского, после вышедшего в 2012 году «Что может быть лучше?». Он состоит из биографических исследований сексуальной жизни Генри Миллера, Хью Хефнера, Лари Флинта, Маркса, Фрейда, Ницше, Фрэнка Синатры, Джона Кеннеди, Жан-Поля Сартра, Симоны де Бовуар и других знаковых личностей, впервые опубликованных в его интернетовском литературном журнальце «General Erotic». Основная тема в творчестве Армалинского – всестороннее художественное изучение сексуальных отношений людей. Неустанно, в течение почти полувека, вне литературных школ, не будучи ничьим последователем и не породив учеников, продвигает он в сознание читателей свою тему, свои взгляды, свои убеждения, имеющие для него силу заповедей.

Содержание

Последняя Венера Генри Миллера	5
Брендовая идея	27
Бесчестье для мужчин	33
Любвеобилие, или честная женщина	67
Из полицейской – в проститутки	94
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Михаил Армалинский

Аромат грязного белья.

Замысловатые биографии

© Михаил Армалинский. 2013.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Последняя Венера Генри Миллера

*Шла баба по воду,
качала ведром, трясла бедром,
а он налетел,
сбил с ног
и снизу лёг:
поди, разберись,
еблись или не еблись.*

*Сам еле дышит,
а ебёт как пишет.*

«Русские бесстыжие пословицы и поговорки»¹

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 30.
Оглавление и все номера *General Erotic* см.: [http://
www.mipco.com/win/GEr.html](http://www.mipco.com/win/GEr.html)

Когда я уехал в Америку в 1976-м, Генри Миллер был ещё жив, было ему 84 года. Я ещё имел возможность посмотреть на него, живого. Но жалеть, что не посмотрел, стал значительно позже, когда прочитал его книги, после его смерти в 1980-м.

В Америке я оказался лишь со знанием его имени и фамилии да их легендарности. В те советские времена Генри

¹ Русские бесстыжие пословицы и поговорки / Сост. Михаил Армалинский. Minneapolis: M.I.P., 1995.

Миллер изредка упоминался в критическом литературоведении. В начале семидесятых вышла в *Прогрессе* скучнейшая книжка американского марксиста Финкельстайна «Экзистенциализм и американская литература». Это издание в чёрном твёрдом переплёте с золотыми тиснёнными буквами долгое время мозолило глаза на полках чуть ли не всех книжных магазинов.

Книжка представляла интерес только пространными цитатами из Генри Миллера, Дос Пассоса и ещё каких-то запрещённых писателей. Цитаты были, конечно, морально выдержаны, вернее, выдернуты. Но сквозь глушилку марксистской демагогии слышался литературный скандал, затеянный Генри Миллером, причём скандал сексуальный по сути. Словосочетания «Тропик Рака» и «Тропик Козерога» звучали астрологически таинственно и влекуще.

Вот с таким багажом знаний о Генри Миллере я приехал в США. Багажом это, впрочем, назвать нельзя – так, дырявая авоська.

Затем я прочёл «Тропики» и много прочего не только самого Миллера, но и о нём. Помимо ошеломления его потоком страсти к откровенности и прямоте, самым сильным впечатлением было ощущение подтверждения правильности моего собственного пути. Это касалось не только содержания, но и формы: Генри Миллер в своих текстах не раз высказывал сожаления, что пишет по многу, что не может остановиться в своей словесной производительности и что пред-

почитал бы писать маленькие по размеру вещи. Уж тут я точно осуществляю его мечту своими «крохотками».

В 1976 году вспыхнула последняя страсть Генри Миллера, которая пылала до завершения его земного пребывания. Именно эта страсть трогает меня сейчас особо, и тому – немало причин. Прежде всего – непреходящее острое неравнодушие к Генри Миллеру, писателю и личности. С другой стороны, я пришёл к такому возрасту, когда 80 стало ближе, чем 20, и мой интерес к любви в старости с каждым годом естественно растёт, а не уменьшается. Есть много других причин, которые станут понятны в процессе чтения.

* * *

Бренда Венус (Venus, что в переводе Венера, утверждала, что это её настоящая фамилия) родилась в штате Миссисипи и жила в Лос-Анджелесе, была актрисой, снималась в фильмах, но без громкого успеха, и вела по утрам уроки балета, чтобы сводить концы с концами. К знакомству Бренды Венус и Генри Миллера привела цепь предназначенных обстоятельств. Как рассказывает Бренда, Миллер был приглашён выступать для студентов семинара по актёрскому мастерству, но у Бренды в доме случился пожар, и на лекцию она прийти не смогла. Однако её желание познакомиться с Миллером не сгорело, и она стала разыскивать его адрес, чтобы ему написать.

Тем временем Бренда оказалась на аукционе, где она намеревалась купить замену сгоревшему имуществу. Там было выставлено на продажу первое издание серии книг *Женщины в Истории*. Бренда взяла один из томов, раскрыла его и обнаружила там сложенный лист бумаги. Это было письмо Генри Миллера к какой-то женщине.

Бренда купила книгу с письмом и послала это письмо Генри Миллеру, присовокупив записку и свои фотографии. Через несколько дней она получила первое из тысячи пятисот писем, которые ей написал впоследствии Генри Миллер.

Письма Генри Миллера Бренде Венус изданы в книге *Dear, Dear Brenda* (1). В неё включены лишь три ответных письма Бренды плюс её комментарии, поясняющие некоторые письма. В книге значительно меньше писем, чем 1500, а в самих письмах сделаны некоторые изъятия, которые, по словам редактора, имеют целью убрать повторения. Таким образом, эта книга – единственный опубликованный источник для выяснения отношений Генри Миллера и Бренды Венус.

Первое письмо Генри Миллера Бренде датировано девятым июня 1976 года. В этом письме Миллер впрямую удивился:

Интересно, почему Вам хотелось бы увидеться с 84-летним писателем?

В этом возрасте он был по-прежнему светел умом, но ослеп на один глаз и еле ходил из-за артрита. Однако это

не помешало ему рассмотреть красоту женщины на присланных фотографиях. Он загорелся, как юноша:

...я всегда рад познакомиться с красивой женщиной... Как бы мне хотелось сложиться в конверт и отправить себя к Вам по почте.

Прежде чем встретиться с Генри Миллером, Бренда несколько раз посылала ему письма со своими фотографиями, всё жарче разжигая Миллера, который тщательно рассматривал эти изображения при помощи лупы:

Если можете, пришлите мне ещё Ваших фотографий... Пока Вас нет рядом во плоти, я могу обнимать и целовать их, даже не спрашивая Вашего разрешения. В моём возрасте мужчины особенно подвержены женским чарам. Их никогда не бывает в достатке.

И в то же время Генри Миллер проявляет выдержанную скромность:

Что я могу дать молодой женщине, как Вы? Похоже, что я могу только брать, а в моём возрасте это вдвойне постыдно.

Прося о скорой встрече, веря и не веря в интерес к себе такой роскошной женщины, он оговаривается:

Вы, быть может, во мне абсолютно разочаруетесь. А коль так, то давайте завершим этот этап поскорее.

Бренда отвечает ему на письма, вызывая очередное при-

знание:

...поток писем от такой красавицы, как Вы, распаляет меня...

Однако трепет Генри Миллера от предвосхищения встречи не мешает ему выражаться напрямую, как это ему свойственно. Он делится с Брендой своими взглядами на половую жизнь:

Не важно, в каком возрасте ты начинаешь ебаться, важно, как ты этим занимаешься – с душой и сердцем или только пиздой.

И, оправдывая вынужденность ожидания встречи, Генри Миллер цитирует Мопассана:

Самая прекрасная часть любви – это когда ты поднимаешься по лестнице.

По телефону Г. Миллер дозвониться к Бренде не может – то отвечает какой-то мужчина грубым голосом, то её просто нет дома. Бренда умудряется звонить Г. Миллеру, когда его тоже нет дома. Посему идёт переписка, столь подручная писателю, который, кроме романов, написал фолианты писем всевозможным друзьям и знакомым.

«Вы мне нужны, как грех», – красиво призывает незнакомку Генри Миллер.

Бренда Венус мурыжила его целый месяц, пока не явилась «мимолётным виденьем, гением чистой...» «пиздоты» как это окажется потом. Омерзительно «чистой».

Когда Бренда появилась у дома Генри Миллера, она увидела вывешенную на двери надпись:

Когда человек достиг старости и выполнил своё предназначение, у него есть право погрузиться в размышления о покое и смерти. У него уже нет нужды в других людях, он их познал и успел ими пресытиться. Всё, что ему нужно – это покой. А потому не пристало домогаться его внимания, изматывать его болтовнёй и заставлять его страдать от банальностей. Всякий должен проходить мимо двери его дома, будто бы в нём никто не живёт.

Следует заметить, что эта кокетливая цитата из китайца Менг Це, использованная в качестве плаката, косвенно призвала делать именно то, против чего она якобы выступала, – привлекать внимание. Целесообразней было бы повесить обыкновенную надпись: «Осторожно, злая собака!» А ещё лучше – просто не открывать стучавшимся в дверь, как это делаю я в Хэллоуин.

Но к Генри Миллеру, невзирая на эту надпись, шёл поток почитателей, знакомых и друзей, которому он в глубине души был рад.

Описывая его дом, Бренда Венус так говорит о спальне:

Я любила его спальню. Быть может, потому, что в ней происходило много замечательных разговоров, и в ней мы делились многими секретами.

Весьма странное использование спальни, в особенности

если речь идёт о спальне Генри Миллера.

После первых встреч Бренда продолжает посылать ему свои профессионально изготовленные фотографии, всё более и более голые, но не ниже пупка, о чём горюет Миллер в одном из писем. Однако важнее всего то, что не только на фотографиях, но и в жизни он пока ещё не видел Бренду голенькой. Открытое желание Генри Миллера сблизиться невозможно было не заметить женщине. Вот что пишет об этом Бренда Венус:

Бывали дни, когда мне хотелось, чтобы он не говорил так много о моём теле и не делал вид, будто он теряет равновесие, чтобы прикоснуться к моей груди или бёдрам.

Ей не приходит в голову, что её неприступность заставляет унижаться Генри Миллера, вынуждая его прибегать к таким трюкам, чтобы всего лишь коснуться её тела. Уверенность в себе как в мужчине пошатнулась в Генри Миллере с преклонным возрастом. Поэтому он прибегал ко всяческим литературным и прочим ухищрениям, чтобы хоть как-то продолжать сближение с Брендой. В его эротических фантазиях, которыми он спешно делился с Брендой, она в прошлых жизнях была куртизанкой, храмовой проституткой, и секс – был её религией, которую она проповедовала.

После её жалоб на излишнюю прямоту в выражениях (а эта жалоба у женщины может появиться только тогда, когда она не хочет данного мужчину), Генри Миллер переходит на

французский язык и описывает, как изошрённо он бы её ёб. Бренда это переводит, но делает вид, что это не призыв, а лишь намёк, а намёк можно не понять.

Она с неудовольствием замечает, что у Генри Миллера только секс на уме. Он же пытается ей объяснить, что вообще-то он думает о сексе далеко не всегда, но когда рядом с ним находится существо, являющееся воплощением секса, то ему ни о чём другом в присутствии этого существа думать не удаётся.

Чтобы добиться благосклонности Бренды, Миллер привычно льстит ей, забывая, быть может, искренне о Джун, Анаис Нин и о многих других его возлюбленных. Вот что он пылко изрекает Бренде:

...ты первая женщина, объединяющая в себе пиздусингеллектом.

Он прекрасно понимал, что мужчине для успеха нужно обязательно убедить женщину в том, что его интересует в ней не только пизда. Тем не менее эта лесть не помогала. В письме того периода есть подтверждающая этот прискорбный факт фраза:

Я схожу с ума, когда представляю, как должна выглядеть твоя пизда.

«Испытываешь ли ты похоть ко мне?» – отчаянно спрашивает Миллер Бренду. И, предчувствуя негативное положение вещей в этой области, Миллер подстраховывается:

У меня есть дурное предчувствие, что, если ты одаришь меня своей благосклонностью, я умру в твоих объятиях.

Вот что пишет Бренда, комментируя страсть Генри Миллера:

Ему представлялось, будто у меня нет любовников, раз я не занималась любовью с ним. Самолюбие Генри не позволяло ему допустить, что я могу обратиться за чем-то к кому-нибудь, кроме него, в том числе и за сексуальными услугами... Когда Генри спрашивал меня, как мне удаётся подавить своё половое чувство, я заверяла его: «Я много занимаюсь спортом, балетом и бегом». Он отвечал ухмылкой с лёгкой кривой усмешкой и этим удовлетворялся.

Из переписки же вовсе не следует, что Генри Миллер был подвержен этому заблуждению. Скорее всего, он великодушно или вынужденно давал ей право на ложь, освобождая её от необходимости прямого ответа, смысл которого был бы: «не дам, и всё». Бренда этим правом радостно пользовалась и выдумывала, что на секс у неё якобы не хватает сил и времени среди забот о карьере.

Чем дольше продолжалось невинное знакомство с Брендой, тем откровеннее Генри Миллер излагал ей, чего он хочет:

Я бы вылизал тебя всю, особенно маленькую щель между ног. Я представляю, как я бы тебя ёб утром,

днём и вечером, но здравый смысл говорит мне, что это невозможно. Однако никто не может помешать мне выебать тебя в моих фантазиях. Одна из трагедий старости в том, что можешь жутко хотеть, но всё равно у тебя не стоит.

Бренда увёртывалась от ебли с помощью лесты, и в какой-то момент она назвала его «настоящим мужчиной». Миллер ужасно обрадовался этому и называет её в ответ «настоящей женщиной». Происходит обмен комплиментами в том, что обоим друг о друге неведомо. Да и что это такое «настоящее», кроме как глажение по шёрстке.

Через девять месяцев после первой встречи Генри Миллер и Бренда ещё не любовники. Вот как подтверждается это в письме:

...Не будучи с тобой в интимных отношениях... У моего хуя ещё нет пропуска. (*Генри Миллер имеет в виду Брендину пизду, о которой пишет строчкой раньше. – М. А.*) И если у него его никогда не будет, это не так-то и важно. Меня прежде всего интересует женщина. Не скажу, что меня не интересует её пизда – но только вторично.

Опять Генри Миллер использует способ не отпугивать женщину своей заикленностью на её пизде и плетёт ей, что она вся для него интересна. Ведь Генри Миллер неопровержимо продемонстрировал в своих произведениях и всей своей молодой и зрелой жизнью истинное отношение к женщи-

не: сначала пизда, а потом: «Ну, что там у тебя ещё есть?»

Разговорами об импотенции Генри Миллера можно смело пренебречь не только потому, что стоящий хуй вовсе не обязателен для сексуального общения с женщиной, но и вследствие его собственных последующих заявлений:

У меня всегда встаёт, когда ты уходишь, – замедленная реакция.

Бренда же – упёртая «святая невинность» – сетует в комментариях:

Я никогда не могла полностью совместить известные мне две стороны Генри: скромный, простой в обращении, нежный мужчина, который давал мне ненавязчивые уроки любви, приобщая меня к книгам, искусству и поэзии, и другая сторона Генри, который гордился своей прямоотой, какой бы резкой она ни была, которая так была присуща его произведениям о сексе.

Бедняжка, её разум без сомнения торжествовал бы, если бы она имела дело только с одной стороной из вышеперечисленных. Если бы Миллер был просто нежный ненавязчивый мужчина, как бы это ей было удобно доить Генри Миллера и не волноваться за свою пизду. Или если бы он был только резкий и требовательный на незамедлительное совокупление, как в своих книгах, она бы быстренько разочаровалась и сбежала. Ей было не понять самого простого, что Генри Миллер был не одноцветный, как мораль, а разноцветный, как жизнь.

Далее Бренда пытается объяснить, что же ей от Генри Миллера было нужно, помимо естественного утешения тщеславия, что с ней якшается знаменитый на весь мир писатель:

Я сказала Генри, как я хочу знаний, читать и понимать всех выдающихся писателей и философов. Он рассмеялся и ответил, что знание всех произведений знаменитых писателей и философов не поможет мне стать лучше, но если это для меня так важно, то он готов стать моим ментором. Я никогда не любила его сильнее, чем в тот момент. Моя мечта свершалась. Я рассказала ему, что в Миссисипи девушку учат стать хорошей женой, улаживать мужа, растить детей и водить их в церковь, но это не то, чего я хотела. Я всегда хотела выбрать себе собственного учителя. И человек, которого я выбрала для этого, был сам Генри Миллер, и он согласился.

Ебля не получалась, и Миллер ухватился за обучение Бренды – лучше, чем ничего. Надо держать при себе такую красавицу и, глядишь, в процессе обучения можно будет её за зад прихватить. А Бренда не умнела и продолжала недоумевать, почему Генри Миллер такой разный, а не однообразный. Однажды она вызвала его гнев, которого она раньше в нём никогда не наблюдала. Она спросила его, почему он изобразил Мону в «Тропике Рака» как дешёвую проститутку, почему описывал секс так грубо, тогда как Джун, его вторая жена и прототип Моны, поддерживала его финансо-

во, любила его и пр. Короче, опять пошли претензии – как смеют литература и жизнь не походить друг на друга и почему Г. М. ведёт себя с ней как джентльмен, а в книгах пишет про еблю, а не про любовь.

Неясно, что так разозлило Миллера, или Бренда о чём-то умалчивает. Скорее всего, его вывела из себя её женская натура, которая становится нестерпимой, когда её не облагораживает ебля. Однако гнев Г. М. не продлился дольше одного дня, и он продолжает осаду бесконечными признаниями в любви:

...Не могу выбросить тебя из головы. Где ты? Что мешает тебе написать мне или позвонить? Что-нибудь случилось? Быть может, ты разлюбила – или влюбила? Я скучаю по тебе, скучаю, скучаю. Я не представлял, как я нуждаюсь в твоём присутствии, твоей любви...

Далее он продолжает давать ей понять, что он действительно ещё «настоящий» мужчина:

...Я стал думать о тебе и о том, насколько я здоровее выгляжу с тех пор, как мы полюбили друг друга. И знаешь, сразу после этой мысли у меня возникла эрекция – и мне представлялось, что ты с наслаждением держала его в своей руке...

29 сентября 1978 года он пишет письмо, которое Бренда, уверен, использовала для своего резюме:

...И вот я, мужчина 87-ми лет, безумно влюблён в молодую женщину, которая пишет мне потрясающие

письма, которая любит меня до последнего дыхания, ради которой я живу, живу в любви (впервые в совершенной любви), которая делится со мной такими глубокими и трогательными мыслями, я как юноша нахожусь в смятении и восторге...

Ну прямо Соломон и Суламифь. Но это письмо обращено к заинтересованному лицу, процесс соблазнения продолжается, и мы не узнаем никогда, что Генри Миллер думал на самом деле. Или, вернее, какие ещё мысли были у него одновременно с этими. Ведь всё сводилось к более простому и жизненному: даст она всё-таки или не даст. Надежда на это пока не оставляла его:

...всё больше и больше я хочу тебя выебать, забраться внутрь твоего роскошного тела.

Но вот наступает переломный момент – больше Генри Миллер терпеть не хочет. По-женски эта фаза отношений называется «пора давать». Но до этой фазы у Бренды не дойдёт, хотя Генри Миллер уже «полез на стенку»:

10 ноября 1978

...В твоём письме ты говоришь, что я тебя никогда ни о чём не прошу и что только ты просишь меня. Бренда, мне это не нравится. Всего лишь письмо или два назад я послал тебе особое письмо, где я просил тебя сделать мне «маленькое» одолжение (прости, что я называю это одолжение «маленьким»). Но ты проигнорировала эту просьбу. Ты прекрасно

знаешь, что с тех пор, как мы познакомились, я молчаливо задаю тебе один и тот же вопрос. Как ты легко догадываешься, речь идёт о сексе. Я не настолько бестактен, глуп или одержим, чтобы просить тебя пойти со мной в постель. Я могу хорошо себе представить, как это должно быть противно юному и красивому существу, подобному тебе, когда тебя просит совокупиться мужчина, которому почти 90 лет... Я не жду, что ты позволишь мне себя выебать... Но я считаю... что ты должна позволить мне (уж кому-кому, а мне – точно) прикоснуться к твоим интимным органам... И быть может, ты ответишь взаимным прикосновением...

Вот как отреагировала на этот вопль о помощи Бренда:

Я так и не ответила на это письмо и не позвонила ему. Но на следующий день я пришла к нему домой после моего урока балета. На мне была белая греческая тога. Я вошла в его ванную и сказала: – «Генри, по поводу твоей просьбы...» Он сидел в кровати, и я сбросила тогу с моих плеч на пол. Я не произнесла ни слова. Я подняла тогу и надела её. Он улыбнулся, я улыбнулась ему в ответ и ушла.

Как бы мне хотелось верить, что она недоговаривает, и в действительности всё было не «дразниловкой», а вожделенным для Миллера контактом, но, судя по последующей переписке, она просто продолжала над ним, беспомощным, издеваться. Она воспользовалась тем, что у него не было сил

вскочить с кровати, броситься на неё и завалить. В подтверждение того, что никакого сексуального контакта не произошло, в тотчас последовавшем письме Миллер в восхищении упоминает только её груди. А в письме от 6 марта 1979 года он подтверждает продолжающуюся невинность их отношений:

...С тобой у меня настоящий, истинный союз, даже если в нём не хватает союза плоти.

Такие удручающие подтверждения следуют и в письме от 1 мая 1979 года. Говоря о сцене соблазнения, которую Бренда исполняла в фильме, Миллер восклицает:

О Боже, какой же ты должна быть в подобной ситуации в реальной жизни!

И далее в письме ему ничего не остаётся, как продолжать признаваться в любви:

Я весь полон любовью, преданностью, всецело одержим тобой. Благословляю тебя за это. Это часто мучительно, но и восхитительно в то же время.

В мучительности слышится то же неудовлетворённое желание. Затем вступает в действие комплекс Лисы и Винограда, но с полным его осознанием: «О да, я хотел бы к тебе прикоснуться – и больше ничего. Ты слишком красива и свята, чтобы тебя осквернять». – И такое исходит от автора «Тропика Рака»!

В декабре 1979 года Бренда Венус побывала в Париже, где

встречалась с друзьями и агентами Генри Миллера, пошла на балет Нуриева «Манфред», от которого была в неописуемом восторге, и посетила ретроспективную выставку Сальвадора Дали в центре Помпиду. Через месяц я, приехав в Париж, тоже побывал на этой выставке. На Нуриева я, правда, не пошёл, но провёл долгое время на Сен-Дени, смакуя парижских проституток одну за другой. Вот, пожалуй, и вся моя опосредованная близость с Генри Миллером. Не густо. Но не в ней суть. Суть – в этом тексте.

7 января 1980 года, возвращаясь, восхищённая, из Парижа, Бренда благодарит Г. М. за её свершённые мечты. «Вы – ангел с волшебной палочкой», – пишет она.

Но именно его «волшебной палочкой» она неблагодарно пренебрегла. От Генри Миллера Бренда получила всё, что хотела. Он от неё не получил того, чего жаждал, и умер позже в том же году.

* * *

Всё, что я пытался выяснить в этой заметке, отражено в эпиграфе: «...поди, разберись, еблись или не еблись». Вроде разобрался. Необходимость в этом разбирательстве, каким бы никчёмным оно ни показалось кому бы то ни было, для меня является исключительно важным прежде всего потому, что оно являлось исключительно важным для самого Генри Миллера.

Не менее важным факт избегания совокупления с Генри Миллером был и для Бренды Венус, исходя из того, как стойко она держалась все четыре года.

Кстати, Бренда Венус жива и здравствует и имеет собственный сайт (<http://www.brendavenus.com>), где она торгует своими полуобнажёнными фотографиями и божится, что за определённую плату она исчерпывающе ответит на следующие жизненно важные вопросы:

Как важен размер члена?

Как мне обрести уверенность при разговоре с женщинами?

Как мне дольше не кончать?

Как довести женщину до оргазма?

Как орально удовлетворить женщину?

и т. д.

Так как Бренда предлагает ответить на эти вопросы лишь словесно, а не практически, она продолжает использовать ту же стратегию, какой пользовалась с Генри Миллером.

На этом же сайте она продаёт свои книги, среди которых и та, что я здесь штудировал.

Для избежания возможных недоразумений в толковании писем Генри Миллера я послал Бренде Венус по электронной почте письмо:

7 ноября 2000

to: hrenda@hrendavenus.com

Dear Ms. Venus,

Я пишу статью о Вашем влиянии на Генри Миллера в последние годы его жизни...

У меня есть к Вам вопрос.

Как в книге «Dear, Dear Brenda», так и в биографиях Генри Миллера тщательно скрывается, были ли у Вас с ним сексуальные отношения.

Факт того, что у него не было эрекции, как он сам говорил, вовсе не мешало оральному сексу, касанию руками, разнюхиванию Вашей пизды и зада или проделыванию многих других вещей, которые хотя и не являются совокуплением, но представляют собой сексуальный контакт. А быть может, он всё-таки смог ввести свой член в Ваше влагалище?

Это очень важно для того, чтобы понять умственное состояние Генри Миллера и степень его удовлетворённости. Трудно поверить, что он постоянно был убеждён, что у Вас нет любовников, или в его возрасте можно увериться в чём угодно?

Я буду весьма благодарен за Ваш ответ.

Михаил Армалинский

Minneapolis Minnesota

Ответа я не получил.

По-видимому, за все её ответы надо платить, как это указано на сайте, а денег я ей не посылал.

Оскорбить или смутить Бренду моими вопросами было невозможно после школы Генри Миллера, законченную с успехом, который, как мы видим, продолжает длиться.

Гёте, де Сад – первые, кто приходит в голову из сотен знаменитостей, которые, будучи стариками, ебли юных женщин. Самый свежий общеизвестный пример – муж Анны Николь Смит. Она – красавица, украшавшая несколько номеров *Playboy*, вышла замуж за 90-летнего миллиардера. Он купил её роскошное тело, как утешение на последние годы.

Цену этой сделки определили завещание и суд после недавней смерти мужа – в 400 миллионов долларов, которые присудили Николь. Следует заметить, что её муж выглядел пострашней, чем Генри Миллер в свои 84.

О чём это говорит? Об опять-таки общеизвестном – о том, что женщина легко преодолевает своё отвращение к мужчине за его деньги, и проститутки доказывают это ежедневно и еженощно. А вот за знания и за дружеское расположение, которые предложил Генри Миллер Бренде Венус, она подавить своё отвращение не смогла, а точнее, не захотела.

Лоуренс Дюрелл и другие друзья Миллера считали, что благодаря Венус Миллер прожил на несколько лет дольше. О её благотворном влиянии писал сам Генри Миллер:

Люди говорят мне, как хорошо я выгляжу, и я всегда отвечаю:

«Это всё из-за любви. Это всё из-за Бренды».

Но прожил ли бы он ещё дольше, если бы она позволила ему прикасаться к пизде и сама бы прикасалась к хую Генри Миллера? С помощью пряника пизды и кнута недопущения до неё Бренда держала какое-то время Миллера на взводе, а потом он в конце концов этого безысходного напряжения не выдержал. Я прихожу к неизбежному выводу, что Генри Миллер умер из-за того, что он потерял надежду на тело Бренды Венус. Бренда из-за своей неблагодарной и эгоистичной недоступности стала для Генри Миллера предсмертным надругательством над его идеалами пизды и ебли.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Dear, Dear Brenda. The Love Letters of Henry Miller to Brenda Venus. New York: Henry Holt and Company, 1986. ISBN 0-8050-0356-8.

2. The Happiest Man Alive. A biography of Henry Miller by Mary V. Dearborn. New York: Simon & Schuster, 1991. ISBN 0-671-67704-7.

Брендовая идея

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2002. № 81.

В *Новых Известиях* от 17 октября появилась статья Елены Ямпольской «Тропик Хоркиной». Хоркина – это русское воплощение Бренды Венус на сцене *Театральной компании Сергея Виноградова*.

В ноябре в Москве должен состояться спектакль, где история Генри Миллера с Брендой Венус будет пересказана по-русски.

В статье Ямпольской обильно цитируется *General Erotic* № 30, где я поставил, заострил и поднял на должную высоту вопрос: дала Бренда Генри Миллеру или не дала? Я там доказал, что Бренда все годы, что доила славу Генри Миллера, «крутила с ним динаму».

История взаимоотношений полов полнится и пополняется примерами, когда женщины всячески эксплуатировали свои половые связи с великими или сильными мира сего. Но Бренда Венус представляет собой редкий случай бесчеловечной, потогонной эксплуатации **ОТСУТСТВИЯ** половой связи с Генри Миллером.

На её обновлённом сайте, который трезвонит бесконечной, бестактной музыкой и забит кусочками неработающих видео, Бренда демонстрирует свои фотографии с Ген-

ри Миллером, на которых она холодно позирует, используя Миллера как интеллектуальный фон для продаж своих книжек и пр. Судя по её самовлюблённому выражению лица, даже тогда, когда её взгляд вроде бы и обращён на её мэтра, Генри Миллер, очевидно, её нисколько не волнует.

В статье в *Новых Известиях* говорится, что Бренда якобы собирается приехать в Москву на премьеру. И все небось ей будут в ножки кланяться, потому что она Генри Миллера за нос водила или, как он бы сказал, яйца крутила. (Но к ним, увы, не прикоснувшись.)

И вот теперь Россия взялась за Генри Миллера обеими руками, наиздавав его мультянами, как когда-то Хэмингуэй. Но вместо того, чтобы помусолить Мону (Джун), истинную пожизненную еблю-любовь Генри Миллера, сценическую жизнь его любовных приключений решили начать с конца. Явно не с того. С «динамщицы», которая в конце жизни Генри Миллера надругалась над его святой еблей, отказав ему в ней.

Когда о нереспектабельных людях (а Генри Миллер так себя именовал, и из-за его «нереспектабельности» ему отказали в выдвижении на Нобелевскую премию) делаются респектабельные произведения, то в итоге получается восторженная чепуха. В 1990 году в Штатах сделали фильм *Henryk June*, в результате чего великая скукота получилась – Генри, как подросток, либо на машинке про любовь стучает, либо

целуется до изнеможения – а до ебли никак дойти не получается.

Самая большая ложь во всех широкоэвещательных пере-сказах жизни Генри Миллера состоит в том, что в них ре-жиссёры пускают слюни, а Генри спускал сперму. Разница весьма существенная, если судить по возникающим плодам. Плодам просвещения: из него стремятся сделать респекта-бельного гражданина и тем самым нейтрализовать его бун-тарский образ в умах невежд.

Однако в случае с Брендой, быть может, именно слюня-вый подход и окажется правильным, потому что Бренда от спермы Генри Миллера уворачивалась.

Чтобы окончательно и бесповоротно подтвердить эту уво-рачивающуюся «динамичность» Бренды, я решил обратиться к документальным фильмам о Генри Миллере. К сожа-лению, его друзья очухались и стали снимать его в любитель-ских фильмах, когда он уже был старый. Но, к счастью, до того, как он умер.

В России уж обязательно дождались бы, пока он ноги про-тянет (причём всячески помогая ему в этом), а потом выли бы да рвали на себе волосы и рубахи по всем СМИ.

Один из изученных мною фильмов называется *Dinner With Henry*. Это любительский фильм, снятый друзьями Ген-ри Миллера во время обеда с Брендой в его доме. Слева за столом в профиль сидит Бренда, а в фас перед зрителем – Генри Миллер. Ракурс на протяжении фильма почти не

меняется, и только иногда камера переводит свой взгляд на Бренду. Генри Миллер со вкусом поглощает еду, пьёт вино и говорит, говорит, говорит. Это воспоминания о его друзьях и комментарии о литературе и искусстве. А я пристально следил за Брендой и Г. Миллером – ведь во взглядах и жестах любовников всегда проскальзывает их связь.

Но Бренда только позировала, жеманно откидывая длинные волосы каждый раз, когда на неё обращала взор камера. Произносила она свои глупости фальшивым голосом, вовсе не как актриса, а как кинематографическая бездарность, которая каменеет перед камерой, начинает говорить не своим голосом и меняется в лице. Генри же был увлечён разговором, держался непринуждённо и на Бренду внимания почти не обращал.

Другой документальный фильм, который я посмотрел, называется ...*Henry Miller is not dead...*

Там даётся кусок из телевизионного шоу Джонни Карсона (Jonny Carson), куда была приглашена Бренда в честь выхода книги *Dear, Dear Brenda*. Джонни Карсон был ведущим самого популярного вечернего телешоу, и попасть к нему в качестве гостя было великим событием.

По формату передачи очередной объявленный Карсоном гость выходил из-за кулис сбоку и направлялся к центру сцены, где находился большой стол, за которым сидел Джонни Карсон, а слева от стола стояло кресло для гостя.

Чтобы не ошибиться в своих впечатлениях, я многократ-

но прокручивал видео с замедленной скоростью. С полной очевидностью произошло следующее.

Карсон представил очередную гостью, Бренду Венус, как киноактрису и модель. Увидев выходящую из-за кулис Бренду, Карсон встал из-за стола и повернулся к ней. Бренда под традиционные аплодисменты публики наглым шагом двинулась на Карсона. Бренда подошла к столу и, не останавливаясь у стола, попыталась приблизиться к Карсону, стоявшему за столом посередине. Карсон вытянул Бренде руку в приветствии, и та за неё ухватилась, продолжая идти на него. Перемещая видеоплётку кадр за кадром, я следил, как рука Карсона начала сгибаться в локте, поддаваясь напору Бренды, стремящейся добиться от него объятия, которым он иногда достаивал особо симпатичных ему гостей. Но рука Карсона согнулась в локте, образуя прямой угол, и окаменела, став упором, больше не подпускавшим Бренду, по-прежнему нажимающую на него. Эта незаметная борьба, ставшая наглядной при замедленном проигрывании, длилась в реальном времени секунды две.

Тогда Карсон другой рукой сделал широкий круговой указывающий жест, дающий ей понять, что нужно обойти стол и усесться в кресло слева. После этого очевидного неприятия, продемонстрированного Карсоном по отношению к Бренде, она отступила назад, обошла стол и села в кресло.

– Hello Brenda, – сказал ей сдержанно-иронично Джонни Карсон, когда аплодисменты утикли.

– Hello Jonny, – ответила ему Бренда, таким кокетливо-фамильярным тоном, будто она его ебла с детства.

Карсон держал в руках книгу, которая прославила Бренду. И как мы знаем, незаслуженно.

Отвечая на вопрос Карсона, Бренда рассказала историю своего знакомства с Генри Миллером, про пожар и про фото, которые она ему послала. И когда Карсон спросил, какие же отношения были у них, людей столь различных по возрасту, Бренда сказала следующее:

– Он был влюблён в меня, а я была влюблена в него.

Но, почувствовав, что такая формулировка подразумевает еблю, она запнулась и пояснила: «Это была любовь сердца... он был моим ментором, защитником...»

С Брендой стало всё ясно. Больше Карсон ей вопросов не задавал и пригласил другого гостя.

Так что и мне стало непререкаемо ясно, кто эта Бренда и с чем её едят.

Тем, кто хочет посмотреть самый содержательный документальный фильм о Генри Миллере, я советую фильм, сделанный в 1969 году, когда Бренды ещё не было, а Миллер был жив: *Henry Miller Odyssey. The Definitive Portrait by Robert Snyder*.

Там также запечатлены разговоры Генри Миллера с его друзьями – Lawrence Durrell, Anis Nin, Alfred Perles и др.

Бесчестье для мужчин

Coetzee J. M. Disgrace. New York: Viking, 1999. 220 р. Кумтзеэ Дж. М. Бесчестье. Роман / Пер. с англ. Сергея Ильина // Иностранная литература. 2001. № 1.

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2003. № 102.
Все цитаты даны в переводе Михаила Армалинского.

Coetzee – южноафриканский писатель. Его роман *Disgrace* многие рассматривают как описание современной ситуации в Южной Африке, когда негры прибирают эту страну к рукам, тесня и вытесняя белых, когда-то их притеснявших.

Однако описание это совершается с помощью разглядывания личной жизни героев, что меня интересует много больше, чем приход к власти южноафриканских негров, а скорее – к их поруганию над властью.

Сексу, любви, страсти – называйте как вам утешительней – посвящено в романе существенное место. Потому нечего удивляться и корчить рожицы, если и в моём размышлении об этом романе всем этим синонимам будет уделено такое же значительное внимание.

По-русски название романа переведено как «Бесчестье», однако – это самый простой и поверхностный перевод. Слово «disgrace» значительно богаче по содержанию, чем русское «бесчестье», и оно также переводится как «немилость»,

«опала». Так что я ещё поговорю об этом подробнее.

Литературный разбор романа мне делать неинтересно, потому что всё в нём сотворено блестяще. Но зато мне интересно покопаться в психологии героев, которая выходит за пределы литературы.

Однако продуктивно ли обсуждать психологию литературного персонажа, будто это живой человек? Ответ у меня такой: если это талантливое произведение – то продуктивно, ибо талант, в одном из моих определений, – это способность создавать узнаваемое, а значит правдоподобное, причём такое, которое вызывает сильные эмоции. А чем сильнее эмоции, тем надёжней психологическое правдоподобие произведения.

Повествование в романе ведётся в третьем лице, что даёт возможность автору играть роль творца наиболее убедительно, поскольку он обретает свободу отстранённо рассказывать о каждом персонаже с полным знанием его подноготной, тогда как, веди автор рассказ от первого лица, его познания о персонажах формально ограничивались бы позицией, этим лицом занимаемой. Другими словами, в романе *Disgrace* можно было ожидать равного и непредвзятого изложения психологии всех героев. Однако, несмотря на повествование в третьем лице, создаётся впечатление, что душа лишь главного героя вполне понятна автору, и именно его глазами (хотя и в третьем лице) видится мир романа. У меня даже создаётся впечатление, что автор с большей лёгкостью

и основанием писал бы этот роман от первого лица, но тогда слишком соблазнительно было бы проводить параллели с его личной жизнью.

Для дальнейшего разговора фабула требует хотя бы краткого пересказа, в течение которого я не буду сдерживаться и буду вставлять свои комментарии.

Итак, пятидесятидвухлетний разведённый профессор по теории коммуникаций, а также и литературы, Дэвид Лури, преподаёт в университете Кейптауна. Каждый четверг он посещает в течение девяноста минут очаровательную проститутку Сорайю, что наполняет его монотонную жизнь счастьем. Она послушно выполняет его незатейливые желания, и он находит её темперамент спокойным. Через некоторое время знакомства Дэвид начинает дарить ей подарки, в дополнение к стандартной плате, и проникается к ней неуместным чувством. Когда Дэвид чрезмерно увлекается этой женщиной и пытается проникнуть в её личную жизнь (Сорайя – замужняя мать двух мальчиков, подрабатывающая в сводническом агентстве), она резко порывает отношения с клиентом Дэвидом и исчезает.

Затем Дэвид сближается со своей двадцатидвухлетней студенткой Мелани. Она не проявляет никакого сексуального интереса к своему профессору, и он просто «дожимает» её до совокупления. В процессе же совокупления Мелани совершенно безразлична. Когда Дэвид снимает с неё одежду,

руки у неё болтаются как у мёртвой – Мелани просто уступает профессорскому авторитету и мужскому напору. В первый «романтический» раз профессор даже не снял брюк, а лишь спустил их к щиколоткам. Что должно было выглядеть особо «возбуждающе» для юной любовницы.

Мелани начинает избегать Дэвида, а он буквально преследует её. Приходит, незванный, к ней в квартиру и чуть ли не силой ею овладевает. Мелани перестаёт сопротивляться и просто избегает его поцелуев, отводит глаза, демонстрируя полное безразличие, если не отвращение.

Дэвид утешает себя таким комментарием:

Если он не ощущает в ней отчётливое сексуальное желание, так это потому, что она ещё молода.

Дэвид не прилагает никаких усилий довести её до оргазма, и тешит себя тем, что во время одного из соитий Мелани обхватила его торс ногами.

Вот как Дэвид заговаривал зубы Мелани, готовясь в первый раз содрать с неё одежду: женская красота, мол, не принадлежит только её владелице. Красота – это часть богатства, которое женщина приносит в мир, и её обязанность – делиться своей красотой.

– А что, если я уже делюсь ею? – вопрошает студентка. На что профессор имеет хитрый ответ:

– Тогда нужно делиться ещё больше.

Дэвид говорит о владении красотой, будто бы она объект, орудие. Его влечёт лишь одна сторона вопроса – потреби-

тельская, его взгляд – это взгляд пользователя. Тогда как я говорил и говорю, что женщина (то бишь красота) – это орудие наслаждения, но которое само испытывает наслаждение. А значит, сделать орудие наслаждения наиболее эффективным можно лишь доставляя наслаждение этому орудию.

Мысль Дэвида о том, что женщина (красота) себе не принадлежит, можно продолжить. Из неё следует, что женщина с её красотой автоматически принадлежит другим, а раз другим, то почему бы не Дэвиду, а раз принадлежит и ему, то почему бы её не считать уже своей, то есть брать и даже силой, что он и делал с Мелани.

Тут неизбежно возникают реминисценции с Гумбертом и Лолитой.

Несмотря на то, что Мелани старше Лолиты, разница в годах у неё и Дэвида та же. Оба, Дэвид и Гумберт, – профессора литературы и обожают молоденьких самочек и, что самое главное, увлечены исключительно собственными ощущениями (кончать бы почаще) и не имеют понятия или им наплевать на то, что испытывает под ними самка.

Как Лолита, так и Мелани убегают от своих профессоров к другим мужчинам – традиционная месть женщин за свою неудовлетворённость.

А Дэвид даже имеет наглость или глупость отказывать двадцатидвухлетней женщине в способности испытывать оргазм, который он просто не знает как вызвать. И что ещё хуже – не желает знать.

Женское наслаждение не только оказывается вне интересов Дэвида, но и вызывает в нём неприятные ощущения – так, он совокупляется с новой секретаршей своего факультета, но только один раз. Потому что сильное возбуждение, в которое она впала, вызвало в нём раздражение, причём такое, что встречаться с ней снова он уже не захотел. Раздражение к женскому возбуждению обыкновенно возникает у мужчины, который уже удовлетворил свою похоть, а неудовлетворённая женщина продолжает требовать его внимания к своему желанию. Для Дэвида, озабоченного только собой, требовательное желание женщины явилось угрожающе обременительным.

Основа сексуальных отношений Дэвида на протяжении всего романа – это забота лишь о собственном наслаждении и украшение этого эгоизма привлечением литературных аналогий и аллюзий.

Вскоре в университет является молодой любовник Мелани. Он хамит и угрожает Дэвиду, а на следующее утро профессор находит свою машину с проткнутыми шинами, исцарапанную и с дверными замками, заполненными клеем.

Мелани исчезает, более того, покидает университет. Отец Мелани является на кафедру и устраивает публичный скандал, обвиняя профессора в злоупотреблении доверием родителей, которые вверяют своих детей университету.

На следующий день Дэвиду сообщается о дне факультетского разбирательства его поведения. Оказывается, Мелани

ни подала жалобу на своего профессора за сексуальные домогательства. Дэвид, не желая даже читать жалобу, признаёт её справедливость, но отказывается каяться, что ему настоятельно советуют коллеги – участники разбирательства. Несмотря на упорные уговоры коллег подписать покаянную бумагу и тем самым сохранить своё место в университете, Дэвид не желает этого делать по принципиальным и упрямым соображениям. Его вынуждают подать в отставку.

Дэвид рассматривает слушание дела и злобу, обрушившуюся на него, как древний закон охраны юных самок, сохранения их для молодого семени и наказания стариков, которые стараются распространить своё семя и тем как бы портят потомство. Мол, вся история полнится примерами, когда молоденькие девицы стараются вырваться из-под навалившихся на них стариков и устремляются продолжать род от молодого и свежего семени. Так размышляет Дэвид.

Однако если это было бы действительно так, то женщины не подавали бы жалоб за сексуальные домогательства на молодых мужчин, а только на стариков. А они подают на молодых, и ещё как. Дэвид просто не в состоянии увидеть истинной причины его конфликта с Мелани – он использовал её, то есть получал от её тела наслаждение, не давая ей взамен. А это женщина ненавидит больше всего – она становится мстительной и беспощадной.

Дэвид отправляется к дочери на ферму. Люси – так зовут дочь – до недавнего времени сожительствовала с женщиной,

которая уехала в город, и теперь Люси живёт одна. Ей лет 25, она дородная, полная соков женщина.

Дэвид постепенно вовлекается в её сельскохозяйственные дела, а также в уход за собаками, которых сдают Люси на содержание владельцы, уезжающие в отпуск.

Соседом и помощником Люси является негр Петрус лет сорока пяти, у которого две жены и который постепенно из батрака становится самостоятельным фермером, строя себе дом и прибирая к рукам землю в округе. Он положил много сил, помогая Люси организовать ферму, и Люси весьма благодарна и ценит его соседство, так как жить в безлюдном месте одинокой молодой женщине опасно.

У Люси есть приятельница Бев, женщина невзрачная, с короткой шеей. Она замужем и работает в городке неподалёку в приюте для животных. Лечит подручными средствами домашних животных, которых приводят владельцы. Кроме того, она убивает инъекциями бродячих собак, если их не забирают в течение определённого времени.

Дэвид, чтобы чем-то занять себя, начинает ей помогать где придётся, а также упаковывает убитых собак в мешки и отвозит их в крематорий. Бев влюбляется в Дэвида – это первый профессор, с которым она так близко общается, и предлагает ему себя. Дэвид соглашается за неимением лучшего, дивясь себе, до чего он дошёл, беря в любовницы такую непривлекательную женщину.

И с Бев Дэвид даже не задумывается о её ощущениях. Ав-

тор так рассказывает о «деятельности» Дэвида:

Что касается их соития – он по меньшей мере выполнил свои обязательства.

Нет сомнений, что в этой фразе автор под «обязательствами» имеет в виду эрекцию у Дэвида, а не оргазм партнерши – именно эрекцией в понятии большинства мужчин (а в дэвидовском уж точно) исчерпываются их обязательства перед женщиной.

А дальше имеется такая фраза:

Так что в итоге Бев осталась собой довольна. Она совершила, что задумала. Он, Дэвид Дури, был удовлетворён, как мужчина может быть удовлетворён женщиной...

Иными словами, по мнению повествователя (Дэвида), довольство женщины собой состоит в том, что она смогла удовлетворить мужчину (не велика задачка). То, что довольство женщины как-то связано с её собственным удовлетворением, такая дикая мысль даже не возникает.

Однажды на ферму Люси приходят трое негров: двое мужчин, один из которых красавец, и парень лет 18. Они просят позвонить по телефону, так как произошло какое-то ЧП. Люси впускает одного, красавца, но за ним вламываются остальные. Дэвид получает удар по голове, теряет сознание, его затаскивают в туалет и там запирают. Мужчины насилуют Люси, затем забирают всё ценное из дома и уезжают на

Дэвидовой машине.

Соседа Петруса не было дома, хотя Дэвид и кричал, надеясь на его помощь.

Люси открывает дверь туалета, в котором был заперт легкого раненный отец, только после того, как вымылась – она уже была в халате и с мокрыми волосами. Никаких телесных повреждений у неё не было.

Дэвид рассуждает (как я, когда и где – не помню, но уж точно рассуждал), что изнасилование лесбиянки – хуже, чем изнасилование гетеросексуальной женщины или даже девственницы, так как происходит как бы двойное изнасилование: против воли женщины вообще и против воли лесбиянки, не воспринимающей мужчин). Но это лишь логическая структура – глядишь, иная лесбиянка после такого и лесбиянкой быть перестанет. Впрочем, к Люси это мало относится, как станет понятно позже.

Вызванным полицейским Люси не говорит, что её изнасиловали, и запрещает отцу упоминать об этом. Речь идёт только об ограблении и нанесении телесных повреждений Дэвиду. Несмотря на настойчивые советы отца дать ход следствию об изнасиловании, Люси, наоборот, хочет всячески замять происшедшее с ней.

Дэвид недоумевает и возмущается решением дочери и ревниво размышляет: *Lusy's secret, his disgrace* (для Люси – секрет, для него – бесчестье). Люси не любит отцовских высокопарных слов вроде «бесчестья», она смотрит на вещи,

и в том числе на случившееся, исключительно практически. Её цель – остаться жить, где она живёт, и продолжать заниматься тем, что она любит – хозяйством, растениями, животными. Для неё бесчестье – это испугаться, сдаться, бросить ферму и уехать, именно то, к чему призывает Дэвид. Для неё изнасилование – это лишь плата за возможность жить там, где хочешь.

Наконец возвращается Петрус с женой. Он слышал об ограблении, порицает грабителей, но заключает, что всё хорошо, раз все живы и здоровы.

Дэвид озабочен состоянием дочери, которая теперь проводит большую часть дня в кровати и отказывается заниматься хозяйством. Дэвид представляет, что насильники теперь рассказывают, как они поставили Люси на место и показали, для чего создана женщина. Дэвида угнетает, что именно их интерпретация событий будет главенствовать и бесчестье Люси, которая была до того дня такая уверенная в себе современная женщина.

Дэвид подозревает, что Петрус каким-то образом причастен к нападению – уж слишком он подозрительно отсутствовал в тот день, – то ли он сообщил, что уедет и можно будет поживиться, то ли специально натравил этих бандитов. Но Петрус вольный человек и посему может приезжать и уезжать когда ему заблагорассудится.

Петрус приглашает Дэвида и Люси на вечеринку, которую он устраивает в честь получения участка земли в свою соб-

ственность. Люси надевает юбку до колен и туфли на высоких каблуках. Они – единственные белые на многолюдной вечеринке. Люси танцует под музыку, к ней пристраивается молодой негр и тоже танцует, всё теснее приближаясь к ней, щёлкая пальцами и в открытую заигрывая.

Очевидно, что у Люси не образовалось ужаса и ненависти к неграм, и она не сторонится мужчин, боясь привлечь их внимание, напротив, она танцует, одна, надев сексуально привлекательную одежду, тем их дразня. То есть она вышла из состояния ошарашенности или чего бы там ни было после насильного соития с тремя.

Среди проходящих гостей Люси узнаёт молодого парня, который был одним из тех троих, и срочно уходит вместе с отцом, не желая скандала. Придя домой, она не позволяет отцу звонить в полицию – она не хочет портить вечер для Петруса, который, как она уверена, ни в чём не виноват.

На многократные призывы отца сообщить в полицию и начать дело по розыску остальных насильников, используя появившегося парня, Люси отвечает, что это её жизнь, и она решила не доказывать никакому суду, что было. Она твёрдо произносит значительную фразу:

– Тебе не известно, что произошло.

Полицию, мол, она вызывала только для того, чтобы был зафиксирован факт ограбления, тогда страховка сможет оплатить потери.

Позже Люси делится с отцом, поясняя, что же произо-

шло, вернее, что представлялось Люси важным из того, что произошло. Сам факт насилия, оказывается, не слишком её взволновал (особенно если учесть, что первым был красавец – не зря же автор решил сделать главного насильника красавцем):

Они это делали с какой-то личной ненавистью. Это поразило меня больше всего. Остальное было... само собой разумеющимся. Но почему у них было столько ненависти ко мне? Я ведь никогда их раньше в глаза не видела.

Вот что больше всего потрясло Люси – ненависть там, где должна быть любовь или по меньшей мере наслаждение. В этом и состоит причина её шока.

Следует обратить внимание, однако, что в безразличии мужчины к женскому наслаждению всегда присутствует элемент ненависти. Так как цель ненависти – лишить наслаждения, то безразличие достигает той же цели, но только неумышленно.

Дэвид предлагает классовое объяснение этой ненависти. Но Люси отвечает:

– От этого не становится легче. Шок остаётся. Шок оттого, что они меня ненавидели. В самом процессе.

Отец боится понять правильно сказанное дочерью и спрашивает про себя:

«В процессе» чего? Имеет ли она в виду то, что он

имеет в виду?

Отчаянная попытка отца ухватиться за возможность другого смысла, кроме единственно верного, чтобы опять хоть как-то спасти дочь от «бесчестья».

Люси подтверждает отцу свой страх, что насильники снова вернутся. То есть она боится не повторного насилия, а повторной ненависти, быть может ещё более усиленной.

Вместе с тем Люси настаивает, что отец не может в принципе понять, что с ней произошло в тот день. Самое главное, что потрясло её, – это то, что она ничего не значила для насильников – она это остро чувствовала. Люси была для них «пустым местом» (которое следовало заполнить – добавлю я от себя).

На предостережение отца, что насильники снова вернутся, чтобы повторить содеянное, Люси отвечает, что, быть может, это цена за то, чтобы ей оставаться жить на ферме – она находится на их территории и что происшедшее как бы плата, налог за жизнь там, где она хочет. С точки зрения насильников – с какой стати она должна жить на их земле бесплатно?

Таким образом, ещё раз подтверждается, что для женщины половой акт – вполне приемлемая плата, извечная женская валюта. Ведь Люси не истязали, не били, а просто ебли, в чём нет ничего противоестественного, разве что с ненавистью, но и ненависть принимается как резонная, хотя и прискорбная плата за предпочитаемый стиль жизни. В этом ли

компромиссе есть бесчестье? Должна ли Люси, как Лукреция, покончить с собой? Нет, это всё романтическая провокация на смерть. А Люси хочет жить. Но уж коль ты женщина – изволь делиться своей красотой, как учил Мелани Дэвид. Другое дело, что мужчины в основном не ценят эту красоту, попирают её и неблагодарны после её делёжки. Но здесь уже должна быть особая разборка с мужчинами.

Когда отец напоминает Люси, что она не увидела от насильников ничего, кроме ненависти, она отвечает:

– Ничего больше не может удивить меня, когда дело касается мужчин и секса. Быть может, для мужчины ненависть к женщине делает их ощущения острее.

Так выясняется, что у Люси был опыт с мужчинами, что её лесбиянство – это не генетическая аномалия, а побег от жестоких мужчин, эгоистичных в наслаждении.

Люси спрашивает отца, не уподобляется ли в воображении мужчин половой акт убийству, безнаказанному убийству, когда мужчина подминает под себя женщину и, вонзая в неё нечто, подобное ножу, покрывается кровью.

Аналогия, легко возникающая у женщины, не испытывающей наслаждения при соитии, да ещё в процессе обильной менструации.

У мужчин эта фантазия возникает значительно чаще (впрочем, откуда мне знать, чаще или нет – статистических исследований я ещё не проводил). Именно из-за своей принципиальной, крайней противоположности убийству, сово-

купление, возрождающее жизнь, может его напоминать: крайности в какой-то момент сходятся. И момент этот прежде всего находит себе место в фантазиях и мечтах.

Противоположность процесса совокупления убийству является малозаметной для женщины, которая лишена наслаждения, ведь именно оно создало бы эту грандиозную противоположность, не говоря уже о плодоносных последствиях совокупления. Совокупление, лишённое наслаждения, становится для женщины не слиянием с мужчиной, а способом разъединения с ним вплоть до возникновения образа смерти как предельного и окончательного расторжения.

Люси отвечает отцу на его записку, в которой он в какой уж раз призывает её покинуть ферму, предрекая, что если Люси останется, то она не сможет жить с собой, «обесчещенной».

Ответ дочери весьма показателен:

... Я уже не та, которой ты меня считаешь. Я мертва, и я не знаю, что ещё может меня оживить. Но я знаю одно – я не могу уйти отсюда.

Что ж, твёрдость вполне неожиданная для мёртвой.

Дэвид решает уехать обратно в Кейптаун и по пути заезжает в городок, из которого родом Мелани, его роковая зазноба. Там живут её отец, мать и младшая сестра. Дэвид приходит в школу, где работает отец Мелани, с целью, как он говорит, «излить душу». Иными словами, он хочет, чтобы отец видел не только переживания своей дочери, но и состояние

её любовника.

Объяснение глуповатое, но не как поэзия: Дэвид якобы, в отличие от других его походов, был «опалён огнём» Эроса. Тоже мне – алиби.

(Образ опалённости любовным огнём иронически перекликается с горением Давидовых волос, облитых спиртом и подожжённых насильниками его дочери.)

Отец Мелани правомерно недоумевает, зачем явился Дэвид – только для того, чтобы рассказать о своём огне? Отец отвечает на вопрос Дэвида о том, как поживает Мелани – успешно занимается в университете, еженедельно звонит родителям.

Однако о том, что у Дэвида на сердце, он так и не рассказал, а зашёл якобы, чтобы узнать, как поживает Мелани. Откланивается. Уходит. И в этот момент отец Мелани окликает его и приглашает вечером на обед в свой дом. (Абсурдно-надрывная ситуация, из-за чего Coetzee часто сравнивают с Кафкой и Достоевским.) Неловкий обед, где прислуживают молчаливая мать Мелани и её хорошенькая младшая сестра, которую не преминул повождедеть Дэвид.

Он вспоминает первый вечер соблазнения Мелани, когда с её согласия подлил в её кофе виски, которое должно было – и он подыскивает слово – *to lubricate* (смазать), то есть склонить Мелани к совокуплению. Весьма сомнительно, что Дэвид проявил истинную заботу о возникновении у Мелани нужной смазки, а скорее всего, не обеспечив её, рванул

внутри по сухому. Или, ну ладно – по полусухому.

В какой-то момент нестерпимо усилившейся неловкости Дэвид порывается покинуть их дом, но отец Мелани, к удивлению Дэвида, со странной весёлостью останавливает его:

– Сидите-сидите! Всё будет в порядке! Мы это преодолеем. Крепитесь!

За обедом, рассказывая о своей жизни на ферме с дочерью, Дэвид не упоминает о неприятных событиях. В подтверждение кафкианской абсурдности ситуации, которая лишь усиливает поразительное правдоподобие, Дэвида посещает мысль, доказывающая амбивалентность его чувств по отношению к изнасилованию Люси. Не будет натяжкой предположить, что в своих фантазиях он активно в нём участвовал, вождедая к своей собственной пышнотелой дочери. Восхищаясь милой простотой жизни и теплотой отношений в семье Мелани, Дэвид, по описанию автора, вспоминает о насильнике с сочувствием и даже ставит его в пример своей дочери:

...Он (*Дэвид*. – *М. А.*) устал от мрачности, от сложностей, от усложнённых людей. Он любит свою дочь, но временами ему хочется, чтобы она была существом более простым, домашним. Мужчина, который её изнасиловал, главарь, был именно таким. Нож по маслу...

Вот уже и симпатия появляется к насильнику, причём к главарю, который был красавцем. Ох, как не случайно наде-

лил его красотой автор!

К концу обеда Дэвид извиняется перед отцом за содеянное (то, что он не желал делать на разбирательстве в университете). Дэвид даже делится с отцом Мелани своей иллюзией, что, несмотря на большую разницу в возрасте, отношения их могли бы состояться, но он, мол, не смог дать Мелани ощущения романтики в их отношениях, что он был слишком деловит.

Прощаясь, Дэвид встаёт на колени перед матерью и младшей дочкой, оказавшейся рядом с матерью. Это уже бесчестьем не назовёшь – это уже обыкновенная глупость.

Так и не понятно, в чём считал себя Дэвид виноватым перед Мелани? Говоря о романтике, которую он не предоставил ей, Дэвид явно не имел в виду наслаждение, которого он ей не давал. Романтика – это окольный, медленный путь, как правило, не осознанный мужчиной, ведущий к тому, чтобы женщина испытала с ним оргазм. Прямой путь – это лизать ей клитор. Романтика же – это процедуры, предназначенные для создания расслабляющей и удобной для женщины обстановки для совокупления. Обстановка эта способствует тому, что, когда совокупление начнёт свершаться, женщина в результате своей радостной готовности сможет сама усиливать своё возбуждение и потому ей легче испытать оргазм, благодаря возбуждению того же клитора, которое происходит чаще всего как неумышленный, побочный продукт мужских движений при его стремлении к собственному оргазму.

Когда Дэвид возвращается в свой дом в Кейптауне, он видит, что решётки на окнах взломаны, окна разбиты, нутро дома разграблено и изгажено. Что ж, и это можно при желании назвать бесчестием.

Дэвид идёт на ставший популярным в городе студенческий спектакль, где играет Мелани, но его мечты о возрождении отношений с ней опять разрушает тот же её парень, который оказывается в зале и, с угрозами и оскорблениями, заставляет профессора ретироваться. Профессор, в неуёмной нервной дрожи, берёт уличную проститутку, которая моложе, чем Мелани. Она ему отсасывает, и Дэвид дивится (намеренная аллитерация) исчезновению дрожи, а также снизошедшей на него после оргазма лёгкости. «Так вот что мне было надо, – думает он, – и как только я мог об этом забыть?»

Действительно – надо же...

Дэвид регулярно звонит Люси и, вдруг почувствовав странные интонации в голосе дочери, звонит Бев узнать, что происходит. Бев нехотя признаётся: «нечто произошло», но объяснять отказывается, отсылая его к дочери. Дэвид немедленно отправляется к ней на ферму.

Люси забеременела. Более того, она отказывается делать аборт, так как «не хочет проходить через это снова». Из чего отец впервые узнаёт, что она уже была беременна. Ещё одно доказательство её лесбиянства как побега от мужчин.

Реакция Люси на удивление отца: как она собирается иметь ребёнка от тех мужчин? – такая:

– Я – женщина, Дэвид (*на протяжении всего романа Люси обращается к отцу по имени, почему? – я не понял и не знаю; быть может, это такая традиция в Южной Африке, как на Украине родителей дети называли на «вы».* – М. А.). Не думаешь ли ты, что я ненавижу детей? Неужели я должна ставить жизнь ребёнка в зависимость от того, кто его отец?

Профессор размышляет, что раз так, то произошло не изнасилование, а акт продления рода этими мужчинами, переполненными сперматозоидами и стремящимися их распространить повсюду. Что за ребёнок может родиться из семени, попавшего в женщину не по любви, а из ненависти, из желания её загрязнить, пометить, как собаки помечают мочой?

Да, Люси, быть может, видела ненависть в глазах ебущих её мужчин, но в момент семяизвержения она могла почувствовать или заметить их наслаждение, которое хотя бы на мгновение, но побеждало их ненависть. Так что ненависть вовсе не была одинока, а при ней присутствовало обязательное мужское наслаждение.

Люси сообщает отцу ещё одну новость: молодой парень, один из троих насильников, живёт теперь у Петруса. Парня зовут Поллукс, и он, оказывается, брат жены Петруса, а потому у Петруса имеются семейные обязательства по его защите.

Дэвида это возмущает до глубины души – теперь они должны ещё терпеть присутствие насильника и делать вид,

что ничего не произошло. К тому же ребёнок, быть может, именно от него. На это Люси отвечает, что Поллукс живёт у Петруса и ничего с этим поделаться нельзя, а нужно с этим смириться. Бежать отсюда она не будет.

Дэвид идёт к Петрусу объясниться насчёт Поллукса. Петрус заверяет, что всё уже прошло, что Поллукс – несовершеннолетний член его семьи, и Петрус должен о нём заботиться. Мол, теперь всё под контролем. Но самое неожиданное и непостижимое для Дэвида, что Петрус просит передать Люси предложение о женитьбе. Если он женится на Люси, то она будет в безопасности, а над одинокой женщиной всегда будет висеть угроза всевозможных неприятностей. Дэвид в очередной раз ошарашен.

Когда он сообщает о предложении Люси, она отвечает, что Петрус уже давно намекает на это. Люси прекрасно понимает, что Петрус хочет получить её ферму в качестве приданого.

Люси посылает отца с ответом Петрусу. Она согласна подыгрывать любому слуху, который захочет распространить Петрус, мол, она его жена или любовница, но тогда ребёнок будет считаться тоже его. Она согласна переписать землю на Петруса, но с условием, что дом остаётся собственностью Люси и никто не посмеет в него являться без её разрешения.

Возвращаясь с прогулки, Дэвид видит у дома Люси Поллукса, прильнувшего к окну ванной – он подсматривает за

его дочерью. Разъярённый отец бросается на парня и натравливает собаку, которая вцепляется в его руку. Выбегает Люси в халате, заставляет собаку отпустить Поллукса и, склонившись над парнем, осматривает его руку с укусами. Халат Люси распахивается, и голые груди предстают перед глазами Поллукса и отца. Она предлагает Поллуксу войти в дом, чтобы промыть раны, но парень злобно отказывается. Она запахивает халат, а парень убегает, крича: «Мы вас всех убьём!»

Вот она, мужская психология, – подсматривал за голыми грудями, а когда появляется возможность к ним прильнуть – в злобе бежать от них.

Люси пеняет отцу, что она хочет только мира, что ради мира она согласна пойти на всевозможные уступки. До приезда отца этот мир уже установился, а сейчас опять нарушен. Отцу дано понять, что он и установившийся мирный образ жизни несовместимы. Дэвид уезжает. Он снимает комнату в городке, где находится клиника для животных, которых лечит и убивает Бев. Он продолжает ей в этом помогать.

Дэвид привязывается к собаке, которая, как он случайно обнаружил, живо реагирует на музыку. Если собаку не востребуют владельцы или кто-либо не возьмёт её, она подлежит уничтожению. Дэвид подумывает о том, чтобы спасти её от смерти и взять себе, но, когда наступает срок, он берёт её, радостно лижущую его лицо и руки, и приносит на стол Бев для смертельного укола.

На этой родившейся готовности к убийству невинных, но

излишних животных заканчивается роман.

После прочтения романа во мне ещё долго расходятся круги. Болотце моего умственного существования всколыхнулось и стало напоминать если не озеро, то хотя бы пруд. Вот и пружу. Разные, но той же сути мысли зашевелились в легко дичающем мозгу. Всё это знак глубокого впечатления, произведённого талантливой, точно цепляющей за нерв литературой.

О чём же этот роман? – По-моему, о мужской жестокости по отношению к женщинам, одно из проявлений которой – забота лишь о собственном наслаждении и пренебрежении женским. Об уступчивости женщин во имя устранения или хотя бы уменьшения этой жестокости, а уменьшение жестокости – уже есть если не само наслаждение, то хотя бы условие для его возникновения.

Но я не позволяю себе забыть, что я делаю жизненные, поведенческие выводы не из научно-психологического исследования и даже не из собственных наблюдений над жизнью, а из романа – из выдумки, в которой отражена лишь душа самого автора, а если им и сделана попытка отразить иные души, то это отражение неизбежно искривлено прохождением через душу автора, всегда искажающую всё, через неё проходящее, «кривизной» своей индивидуальности.

С другой стороны, феномен воздействия на читателя этой обречённой на искажённость реальности поражает своей си-

лой, как в данном случае. Это происходит из-за того, что вопреки «искажённости» возникает узнавание чего-то родного, сразу воспринимаемого как «свое», или чуждого, не приемлемого (до поры до времени) для читателя. Сила влияния романа на читателя определяется степенью близости персонажей к читателю, степенью признаваемости за свои собственные мысли, изложенных в романе. Кроме того, нет ничего умнее изощрённо пересказанных трюизмов. В данном романе присутствует всё это, глубоко проникающее в читателя. В меня – уж точно.

Нужно также не забывать, что вся женская психология романа придумана мужчиной и неминуемо отражает мужскую же психологию, как бы хитро автор ни посягал на знание женской. Поэтому мы можем принимать за достоверную только психологию мужского персонажа. А через описанную женскую психологию мы узнаём не столько психологию женщины, сколько психологию мужчины: как ему видится психология женщины, какой бы он хотел, чтоб она была.

Таким образом, рассуждая о выдумке писателя как о реальной жизни, я оправдываюсь тем, что выдумка не может взяться ниоткуда, что в любом слове обнаруживается дело, часто даже уголовное.

Так вот, если бы красавец негр-насилльник ласково и влюблённо позаботился о Люсином пламени, а второй насилльник поддержал бы его горение и третий довёл бы Люси до белого каления, то Люси разделила бы их «пламя поневоле» и была

бы счастлива, что она вызвала не ненависть, а вкусила и вызвала любовь целых троих.

Теперь о «бесчестии» и заглавии романа. Если говорят, что женщину обесчестили, то все сразу понимают, что либо её лишили девственности вне брака, либо её изнасиловали. Таким образом, факт бесчестия приравнивает добровольное расставание с девственностью и принудительное совоупление. Итого, добровольное действие получается равным принудительному. Другими словами, воля в конечном счёте роли не играет, а главную роль играет ебля, именно она – главная категория бесчестия. В таком случае, если мужчины относились бы к ебле как к безгрешной и имеющей целью прежде всего удовлетворить женщину, то и от понятия «чести» осталась бы только «честность» – то, без чего действительно невозможны взаимоотношения между людьми, ибо честность – это выполнение обещанного, а потому обязательность, а не условия дозволенности ебли были бы в основе человеческой морали.

Так как зачатие, пол ребёнка и его всевозможные качества вскоре будут осуществляться и планироваться лабораторно, намеренно и с надёжным результатом, то половая жизнь останется исключительно для наслаждения и будет цвести повсеместно. Давняя мечта эротоманов свершится, и Венера с Амуром станут главными богами в Пантеоне, Марс будет содержаться в клетке и выпускать его будут только на агрессивных инопланетян; Зевс же будет готовить на молнии-

ях яичницу на завтрак бесконечным любовникам, проводившим ночь в многократных наслаждениях, а остальное время ебать лебедей и прочих, кто ни подвернётся.

Ладно, хватит бредить – обратно к «Бесчестью».

Название романа «Бесчестье» звучит как приговор, в нём слышится российская безапелляционность (обжалованию не подлежит), тогда как по-английски слово «disgrace» имеет иные значения, о чём я говорил вначале, и в большинстве мест романа они-то и имеются в виду.

В газетной статье, в которой появилось описание скандальной связи профессора и студентки, Дэвида называют «Disgraced disciple of William Wordsworth» – ниспровергнутым апостолом Уильяма Уордсворта (один из любимых поэтов Дэвида). Так что его называли «ниспровергнутым», а не «бесчестным».

Смысл русского слова «бесчестье» отрицается и следующим ответом Дэвида на вопрос дочери о ситуации в университете:

– She told me you are in trouble. (Она сказала мне, что ты в сложной ситуации.)

– Not just in trouble. In what I suppose one would call disgrace. (Не просто в сложной ситуации. Можно сказать, что я оказался в опале.)

Дэвид вовсе не считает, что он обесчещен историей с Мелани, наоборот, он не желает поступаться своими желаниями и радостно подпадает под власть Эроса, за что он попа-

дает в опалу, в немилость. Честь его заключается в том, что он следует своим желаниям, а не подавляет их во имя «псевдочести». Однако в этом следовании исключительно своим желаниям, в пренебрежении желаниями своих сексуальных партнёров и есть истинное бесчестье, которое, конечно, во-все не имелось в виду ни Дэвидом, ни автором, ни переводчиком.

Размышляя о христианском писателе Оригене, который кастрировал себя, Дэвид примеряется к этому действию, используя несколько раз фразу «not graceful» (с тем же корнем, что и в слове «disgrace,» что тоже не случайно):

Not the most graceful of solutions, but then ageing is not a graceful business. (Кастрация – не самое изящное из решений, но старение – вещь тоже не слишком изящная.)

Если слово «grace» несёт эстетический смысл грации, изящества, то и слово «disgrace» неизбежно имеет оттенок не только этический, но и эстетический, а значит, в названии происходит также и намёк на антиэстетичность описанных событий. Поэтому неудивительно, что Дэвид, продолжая размышлять о кастрации, иронически замечает, что неприглядный вид кастрированного мужчины не намного хуже вида мужчины, лежащего на женщине в процессе совокупления! Так выявляется внутреннее эстетическое отвращение Дэвида к процессу совокупления, а отвращение это неизбежно кастрирует мужчину в его сексуальных чувствах.

И действительно, Дэвид был очевидным кастратом по отношению к желаниям своих партнёров.

Крепкая связь эстетического и этического давно закреплена в языке. При определении плохого поведения появляется такая формулировка: «Некрасиво себя ведёшь». А при описании красоты указывают: «Правильные черты лица». То, над чем морщат лбы философы, уже давно запечатлено в языке, поскольку, пользуясь им, народ голосует большинством за суть дел.

Так что, если красивое значит правильное и если правильное значит красивое, то что делать в случаях, когда одному кажется красивым то, что другому кажется уродливым (те же половые органы)? Уголовные преследования художников, писателей за то, что они изображали, в их понимании, красивое и что в то же время моралистам и полиции казалось уродливым, являлись подтверждением нерушимой связи красоты и добропорядочного поведения. Так как корни красоты уходят в секс, то регламентирование обществом определения красоты косвенно направлено на регламентацию сексуального поведения. Так что отвращение Дэвида видом полового акта точно и категорически обуславливает его некрасивое поведение с женщинами.

Рассматривая, пусть шутливо, свою кастрацию как способ уничтожения своих сексуальных желаний, Дэвид тем самым демонстрирует свою невежественность, ибо известно, что похоть у созревшего мужчины остаётся даже после ка-

страции.

Русский смысл «бесчестья» проскальзывает в «disgrace» только после того, как произошло насилие над его дочерью. Дэвид почему-то воспринимает изнасилование как и своё бесчестье, тогда как Люси относится к нему как к неизбежной женской плате за право жить на территории голодных мужчин.

Дэвид говорит отцу Мелани:

– I am sunk into a state of disgrace from which it will be not easy to lift myself. (Я настолько глубоко впал в бесчестье, что мне будет нелегко подняться.)

...trying to accept disgrace as my state of being. Is it enough for God, do you think, that I live in disgrace without term? (...пытаюсь принять бесчестье как состояние моего бытия. Как вы думаете, достаточно ли для Бога, что я живу в бесчестье, не имеющем конца?)

Но так ли бессрочно это бесчестье? Во всяком случае, для Люси? Если бы она решила сделать аборт, то она бы тем самым полностью отвергла своё изнасилование и приняла бы его как бесчестье. Но она решила сохранить плод – результат, следствие изнасилования. А значит, это следствие, намертво (а точнее, наживо) привязанное к своей причине, будет влиять на Люсино отношение к причине, к изнасилованию.

Получается ли, что рождённый в результате изнасилова-

ния ребёнка, к которому мать испытывает безусловную любовь, смягчает её воспоминания и ощущения по отношению к бывшему изнасилованию? Любовь к ребёнку, казалось бы, должна нейтрализовать дурную память об изнасиловании. Ведь именно изнасилование стало причиной женского счастья – материнства, которое является смыслом женской жизни. Глядя любящими глазами на ребёнка, давшего ей счастье, возможно ли ненавидеть событие, послужившее причиной этого счастья?

Впрочем, это – мужская логика, а женская логика может быть совсем иной и пренебрегать причинно-следственной зависимостью: женщина может любить ребёнка и по-прежнему ненавидеть отца. То есть не рассматривать два события – изнасилование и материнство – как взаимосвязанные. Но разве не будет шевелиться в матери ненависть, когда в ребёнке будут узнаваться отцовские неприязненные черты лица или характера? Может ли быть любовь к плоду изнасилования поистине безусловной, каковой принято считать любовь материнскую?

Можно рассмотреть феномен материнской любви к ребёнку, зачатоу в изнасиловании, с двух углов. Если ребёнок вырос добрый, умный, послушный, любящий мать, то в этом случае, как мне представляется, отношение женщины к происшедшему изнасилованию должно максимально смягчиться или хотя бы нейтрализоваться.

Если же ребёнок вырос злобным, глупым, по-хамски от-

носящимся к матери, то все эти черты мать будет приписывать наследственности ненавистного насильника, и её отношение к изнасилованию будет по-прежнему суровым и непримиримым, а свою неизбежную материнскую любовь к навязанному насилею чаду она будет воспринимать как крест, который ей уготовано нести.

В реальной ситуации происходит смесь этих двух крайностей и отношение к происшедшему изнасилованию должно меняться в зависимости от удовлетворённости материнством.

Впрочем, если женщина действительно способна не обращать внимание на причинно-следственную зависимость и не рассматривать изнасилование и ребёнка в этих категориях, то отношение к насилию останется неизменным и женщина будет любить своего ребёнка независимо ни от чего. Но будет ли?

Телу женщины безразлично, от кого ей забеременеть, женская основная задача – родить и вырастить ребёнка. У неё слишком мало яйцеклеток, и они слишком медленно производятся по сравнению с тьмой сперматозоидов, чтобы быть разборчивой. Яйцеклетка радостно оплодотворяется вне зависимости, добровольно или насильно сперматозоид оказался у её порога.

Мужчина, чья сперма не попала в женщину законно, или мужчина, который призван охранять пизду от незаконных вторжений, – вот кто истинные жертвы изнасилования, пото-

му что они не смогли продлить свой или им предпочтительный род с дефицитной яйцеклеткой, и таким образом род этого мужчины в опасности. Это они, которых обошли изнасилованием, заставляют женщин кричать «караул!», страдать и классифицируют изнасилование как самое страшное преступление, даже если оно не сопровождалось нанесением женщине боли и увечий.

Посмотрел с запозданием *Ворошиловского стрелка* Говорухина и удивился созвучию с *Бесчестьем*. Такие же варвары и тоже втроём насилуют не дочку, а внучку, так же позорно пренебрегают её удовольствием – просто используют. Так же она отходит, и с ещё большей лёгкостью, от случившегося. Уже соглашается принять деньги от отца одного из насильников и веселится. Полушутит, что выйдет замуж за одного из насильников. И только её дед не может простить и считает, что изнасиловали его. Деду нанесено оскорбление, он считает, что он изнасилован. И он, в отличие от Дэвида, решает мстить сам. Но мстит он не столько насильникам, сколько времени, которое повернулось против него. Время, которое предпочитает оплодотворение сперматозоидами именно от такого типа самцов.

Впрочем, самое главное всё-таки другое – Люси захотела оставить ребёнка от насильника, а это значит, что насилие через возникшую новую жизнь получило правомочность и обрело гуманный смысл. Люси своим решением оправдала насилие материнством. Так как семя дало плод и этот плод

будет жить, то забота о жизни плода является главной целью для матери. Тогда становится второстепенным, как образовался этот плод – в результате ли насилия или по доброй воле.

– Женщины могут быть на удивление всепрощающи, —

говорит Люси отцу.

А в таком случае слово «бесчестье» становится для женщины бессмысленным, бесчестье аннулируется самой сутью жизни, и понятие «бесчестье» может быть применимо только к мужчинам как возмездие за их нелюбовь к любви.

Любвеобилие, или честная женщина

Catherine Millet. The Sexual Life of Catherine M./
Пер. с фр. New York: Grove Press, 2002. 210 p. ISBN
0-8021-1716-3.

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2004. № 107.
В скобках указаны страницы приведённой книги.

Парижская критиканка искусства, издающая популярный журнал *Art Press*, взяла и написала историю своей сексуальной жизни. Да ещё какой! Во Франции раскупили чуть ли не миллион экземпляров. Весь мир срочно перепечатал. Россия, говорят, вот-вот встанет в ряды стран, что перевели.

Короче – нечто. Даже фурор.

Мне стало любопытно, есть ли основания для такой суеты. И теперь официально и торжественно заявляю – есть. Причём вполне.

Чем же эта книга из ряда вон выходяща – мало ли кто исповедовался в своей сексуальной жизни? Оказывается, что мало. А так, как Catherine, никто.

Catherine Millet, респектабельная женщина, с нормальной психикой, спокойным тоном, без дешёвых трюков, подробно и проникновенно рассказывает о своей страсти к оргиям и множественным сексуальным партнёрам. Она разумно ого-

варивается, что даже самая правдивая речь, очевидно, не является абсолютной в своей правдивости (64).

Однако у меня не остаётся сомнения, что её правдивость, даже не будучи абсолютной, делает всю говорившуюся до неё женскую «правду» не более, чем гнусными баснями. Официальный взгляд на женщин и так называемую «женскую добродетель» становится необходимо срочно похерить и заменить на канон, выведенный Catherine Millet.

В своём повествовании Catherine никак не пытается скрыться ни за псевдонимами, ни за декорациями – открыто упоминает о своём журнале и прочем личном. То есть она ведёт себя так же честно, как и в тексте книги, называя еблю еблей, а хуи хуями.

В русском же переводе небось всё прозвучит как «траханье», «блин» и «мужской половой хуй».

Многие мысли, наблюдения Catherine весьма напоминают мои, да и вообще я заметил, что похожи мы с ней кое в чём: ей за пятьдесят, бездетна, среднего роста, с близко посаженными глазами и длинным носом, замужем – ну чем не сходство? И вот ещё важное сходство: она непьющая, напилась всего два раза в жизни (136), ровно столько же раз, как и я. Есть, конечно, и отличия. В половых органах, например. И ещё кое в чём весьма существенном: у меня за месяц не было столько баб, сколько у неё мужиков за одну ночь. А это весьма существенное отличие, о фундаментальных причинах которого – ниже.

Самая большая оргия, в которой Catherine участвовала, состояла из 150 человек, и она обработала около сорока хуёв, о чём она заявляет с гордостью (10).

Недавно был снят документальный фильм, где девица побивала порнорекорд Гиннеса – её ебли, стоя в очереди и переминаясь с ноги на ногу, более ста мужиков. Я видел эту героиню на *Howard Stern Show*. Это была женщина, которая занималась выёбыванием денег, с обязательными презервативами и ограничением по времени на каждого мужчину. Стоит ли говорить, что, когда эту женщину ебли, все её мысли были заняты сложением долларов. До умножения эта баба явно не доучилась, и на лице её, кроме пизды, ничего написано не было. Ну, может быть, ещё и жопа. (Правда, это для женщины тоже весьма много.)

Catherine же подсчётами не занималась, а еблась в пенящемся от спермы желании, жадно беря в рот и в руки побольше хуёв, которые ждали своей очереди, чтобы побывать в её пизде или/и в заду. Некоторые не утерпели и изливались ей в глотку, которая радостно поглощала мужское содержимое. Женщины Catherine тоже не пренебрегала, как и всякая нормальная женщина. Но всё-таки мужчины составляли главный источник её наслаждений и интересов.

Прежде всего, Catherine описывает, как её ебли, как она мастурбировала, а также прочие действия и сопровождающие их чувства. Кроме этого, она пытается объяснить, почему её сексуальная жизнь была такой, а не иной, но это у

неё происходит безрезультатно. Её сексуальные предпочтения до сих пор так тщательно скрывались всеми женщинами, что теоретизирования о таком поведении являются просто защитной реакцией и попыткой оправдаться из-за производимого шока.

Несомненно и важно то, что условия, позволившие Catherine вести такой образ жизни в течение долгого времени, – это отсутствие детей, а также концентрация интересов исключительно на сексе, а не на алкоголе, наркотиках или садомазохизме.

Неизбежные аборты (Catherine лишь в одном месте упоминает «когда у меня был аборт» (204), по-видимому, не происходили чаще, чем у женщины, которая ебётся, не предохраняясь, с одним и тем же партнёром со злющей спермой).

Однако самое злосчастное в этом деле – венерические заболевания. Catherine пишет о них только дважды. Причём лишь о гонорее. Первую она получила сразу после начала своей женской карьеры и рассматривала её как своё крещение.

Многие годы после этого я жила в смертельном страхе от воспоминаний о той режущей боли, хотя я поняла, что она является знаком отличия тех, кто много ебётся (9).

Второе упоминание возникает в связи с радостями анального секса. На одной из оргий Catherine повелела ебать себя

только в зад. Причиной такого великолепного предпочтения было, согласно её нечётким воспоминаниям, то ли опасное время овуляции, то ли «лёгкая гонорея» (26). От мужчины к мужчине передавалось повеление жрицы любви: «Она хочет, чтобы ебли только в зад». Так же предостерегали того, кто уже было навёл своё орудие на запрещённую цель. После этой анальной активности Catherine испытала гордость собой из-за того, что не ощущала в себе никаких сдерживающих сил, а полностью открылась народу задом, как в других случаях – передом. Что она подразумевала под «лёгкой гонореей»? По-видимому, то же, что под «лёгкой беременностью».

Пропустив через себя столько цистерн спермы, Catherine должна была бы возвращаться к этой и другим болезням не раз. Однако то, что она по сей день жива и здравствует, говорит лишь о том, что плата за наслаждения была минимальной.

Предпочтение к большому количеству мужчин у Catherine не было результатом постепенного развития сексуального чувства, а было врождённым. Ещё маленькой девочкой она уже мечтала о нескольких мужьях, что она считала само собой разумеющимся. Catherine волновала иная проблема: можно ли иметь несколько мужей одновременно или только последовательно? А если последовательно, то сколько надо ждать, прежде чем перейти от одного мужа к другому? А также: сколько мужей иметь «приемлемо»? Пять, или шесть,

или много больше – бесчисленное количество? (1,2).

Она потеряла девственность в 18 лет, но через несколько недель уже занялась групповым сексом (три парня и две девушки). Она не была инициатором, но сознательно спровоцировала эту затею.

Catherine никогда не стыдилась своих эротических фантазий. А это основа для того, чтобы они, став реальностью, не подавляли, а счастливили тебя. Не стыдиться своих фантазий – это основа здоровой психики.

Catherine быстро открыла для себя, что острота наслаждения, которую она ощущает от прикосновений, поцелуев и эббли, обновляется с каждым новым мужчиной, а их, по счастью, имеется вокруг огромное количество. Всё остальное не имело для неё значения (6). Она пишет так:

Ничто не могло меня остановить перед тем, чтобы постоянно стремиться вкушать новую слюну и ощупывать рукой форму нового хуя, которая всегда была радостной неожиданностью (8).

Catherine подробнейшим образом и с великим чувством описывает различные хуи – их форму, вид, вкус, ощущения, испытываемые от них, и пр.

Из всех опробованных хуёв Catherine может только сорок девять соотнести с соответствующими им лицами. Остальные остались для неё хуями безликими. (Вот она, «девичья память».) Это подтверждает лишь то, что наслаждение для женщины вовсе не страдает от обезличенности. Если жен-

щины влюблялись в уродцев (то есть в красоту со знаком минус), то ещё легче предположить влюбленность при полном отсутствии лица (ноль красоты). А ещё точнее, вся красота перемещается с лица на гениталии, и необходимость в лице пропадает.

Самым важным было то, что никаких моральных ограничений Catherine не ощущала и была естественно предрасположена к всевозможным сексуальным экспериментам. Она с готовностью следовала желаниям мужчин и никогда не выводила из этого самооправдательных теорий и не относилась к этому с озлоблением. Она быстро осознала, что не любит кокетничать, заниматься соблазнением, и потому она принадлежит к таким женщинам, которые не противостоят мужчинам, а являются их сообщницами (7).

Я ни с кем не знакомилась в метро, ибо заполнять кокетством и заигрываниями время между знакомством и совокуплением было бы для меня нестерпимо. Но если бы толпа в метро стала предаваться самым изощрённым наслаждениям с той же лёгкостью, как она принимает за должное выражение отвратительной тоски на лицах пассажиров, то я могла бы легко предаться таким совокуплениям, как животное (54).

Всё верно, но в конце она взяла и поддалась той же толпе своим сравнением «как животное» – это что? Всё-таки унижить себя захотелось? Да не как животное, а как человек, который звучит гордо прежде всего в своём истинно женском

(общедоступном) проявлении.

Catherine чувствовала себя уверенной, только когда сбрасывала платье.

Нагота была моей истинной одеждой, которая защищала меня (12).

Как христианские придурки осеняют крестным знаменем нагую женщину, чтобы защититься от дьявола, так нагота защищает женщину от всякого ханжи, который, узрев наготу, не в состоянии ей противостоять и бежит либо от неё, либо к ней. Нагота – это власть, которая наделяет Catherine уверенностью.

Она ненавидела ритуалы заигрываний, нудные разговоры и приготовления к ебле, когда она приходила в место, где должна была совершаться оргия. Так, одна дурацкая группа свингеров завела традицию начинать еблю только после завершения совместного обеда, причём всегда в одном и том же ресторане. Ржавым гвоздём этой программы было снятие трусиков с одной из женщин, пока официант разносил блюда.

Catherine проявляла чрезвычайное чувство такта:

Я считала, что это неприлично рассказывать похабные истории во время оргии (22).

И здесь я нахожу у нас сходство: я в подобных ситуациях тоже возмущаюсь: на оргии надо ебаться, а не лясы точить.

Catherine всегда отделяла заигрывание как начало игры от

игрушек, в которые начинают играть лишь для того, чтобы оттянуть начало игрищ.

Вот какое основополагающее заявление делает Catherine по этому, да и по другим поводам:

...всякие общения с людьми приводили меня в смущение и замешательство, и потому половой акт был для меня убежищем, в которое я добровольно пряталась. Это был способ избежать взглядов, которые меня смущали, и разговоров, которые я не умела поддерживать. А потому у меня не было намерений проявлять какую-либо инициативу – я никогда не флиртвала и не пыталась вести счёт победам. С другой стороны, я была абсолютно доступна любым своим отверстием в любое время, в любом месте, без всяких сомнений или сожалений и совершенно без угрызений совести» (36).

И действительно, только одно постыдно в сексе – это стыд. С течением времени смущение и замешательство, которые Catherine испытывала во время всевозможных сборищ, заменились обыкновенной скукой (51). И действительно, тоска смертная торчать в компании мужиков и баб и заниматься словоблудием. После двух минут разговора говорить мне тоже абсолютно не о чем и хочется просто взять бабу и ебать.

Catherine уточняет:

Я уже говорила о скуке, охватывающей меня в компании друзей, и как я избавлялась от неё,

отправляясь с одним из них поебаться. Но даже ебля может оказаться скучной. Хотя я предпочитаю именно эту форму скуки (188).

Многочисленные связи Catherine с коллегами только способствовали эффективности её работы. Она была далека от того, чтобы нагнетать сухую холодность рабочих отношений, которые, как принято считать, следует поддерживать, чтобы не нарушать победоносного хода производственного процесса.

Когда однажды Catherine листала глянцевые обложки в порномагазине, она возмечтала о новых отношениях между сослуживцами:

Если бы можно было их также листать на рабочем месте и предлагать соседу взглянуть на приглянувшееся (127).

Для свершения такой голубой мечты Catherine следовало организовать журнал не искусствоведческий, а порнографический, тогда бы в редакции такого журнала это было бы не только возможно, но даже обязательно.

Ещё одно подтверждение душевности Catherine состоит в том, что с большинством мужчин, с которыми у неё были продолжительные связи, она до сих пор сохраняет дружеские отношения. Сразу видно, что не сука. Из высоконравственных сук.

Catherine совершенно лишена меркантильности. Однажды, подначиваемая, она решила попробовать проститут-

ничать. Но она совершенно не была в состоянии вести какие-либо переговоры с клиентом о деньгах. Устанавливать какой-то психологический контакт, вести какой-то разговор, необходимый для вытягивания максимума денег из клиента, – всё это напоминало ей процесс соблазнения, что для неё было совершенно чуждо (69).

Кончилось тем, что она, как обычно, бесплатно пооблась с мужиком.

Catherine нередко проводила время с богатыми любовниками, и над ней шутили, что она не может ничего из них выжать, тогда как всё, что она хотела выжать из любовника, были обильные капли спермы.

Согласно моему определению честной женщины (см. «Спасительница» в моём «кирпиче» *Чтоб знали!* М.: Ладомир, 2002. С. 441–493. ISBN 5-86218-379-5.):

И лишь мужчина и женщина на оргии, увидевшие друг друга и сразу, возгоревшись похотью, бросившиеся совокупляться, – вот в этой ситуации женщина ведёт себя прилично.

Catherine точно подпадает под это определение. Вот уж поистине, приличная и честная женщина!

У Catherine полностью отсутствуют садистские склонности, она не понимает, в чём состоит удовольствие, которое садизм якобы приносит. Она не могла никого хлестать плетью, когда её об этом просили, или хотя бы шлёпать (171) – и здесь мы с нею как близнецы.

Все малотрадиционные разнообразия в сексуальных контактах она воспринимала не стоически, а судьбоносно исследовательски, согласно определению ебли в её жизни:

Я верила, что ебля – и под этим я имею в виду еблю частую и желанную, с каким бы это ни было партнёром или партнёрами, – это образ жизни. Если же это не так и ебля допускается только при определённых условиях и в уготованное для этого время, тогда она становится всего лишь исключением из традиционного жизнепорядка».

Ведя такой образ жизни, Catherine принимала всех – молодых и старых, чистых и грязных, рабочих и банкиров, никому не отказывала и с радостью лизала мужской анус, если его ей подставляли, и запах и вкус дерьма её не пугал, а принимался с радостью, хотя она не была корпофагшей.

Некий любовник мочился ей в рот, что ей было не шибко вкусно и приятно, но она это делала, чтобы преодолеть ещё одно препятствие на пути к сексуальному совершенству. Она не испытывала ни мазохистского наслаждения, ни унижения, а лишь торжество, лёжа в этой отвратительной жидкости (192).

Catherine признаётся с некоторым сожалением или уязвлённой гордостью, что она так и не встретила истинного любителя её пердежа и экскрементов (133). Но тут же заявляет, что это её не интересовало. А самой

...ебаться, превосходя отвращение и пребывая вне его, было вовсе не унижительным, а, наоборот,

возвышением над всеми предрассудками (142).

Для полноты картины Catherine уточняет, что ей не удалось поебаться с собакой – понадеялась на любовника, который обещал притащить за ошейник, да и не смог (142). То же мне, никак не могла взять на себя инициативу, хотя бы с собакой – всё ей мужика-менеджера подавай.

Тут следует особо отметить, что оргии и прочие многопартнёрные ситуации преподносились для неё любовниками на блюдечке с голубой каёмочкой.

Catherine нравилось, когда один мужчина подавал её другому мужчине для ебли – представлял значит (112).

На оргию Catherine всегда приводил какой-либо её любовник, который наслаждался тем, что её ебут много мужчин. Во время оргии она слепо полагалась на своего чичероне, и её общее ощущение в оргии было, будто бы она слепо, словно клеточка плоти, перемещается в бесконечной её материи. Она верила, что присутствие партнёра охраняло её от всего плохого, что могло случиться.

Я вверяла себя ему, отказываясь от своей свободной воли... Что бы ни случилось, это было менее странным, чем когда не случается ничего (151).

И такая глубокая вера в своих любовников оправдалась:

Ни разу на оргиях я не была подвержена ни жестокости, ни угрозам, наоборот, я была вознаграждена таким вниманием, которое я редко находила в классических отношениях «один на

один» (152).

И это признание исключительно важно, поскольку все женские страхи группового изнасилования связаны не с милой последовательностью хуёв или их одновременностью, а с жестокостью мужчин, которой они наполняют секс.

Любовник, что приводил Catherine на оргию, всегда к ней относился заботливо и охранял её от каких-либо неприятностей. Если ей требовался отдых, то её сразу отпускали, либо это организовывал её любовник, который всё время находился поблизости и следил за благополучием своей наслаждающейся возлюбленной.

Один из таких благодетелей по имени Эрик, приведя Catherine на оргию, раздевал её и располагал на кровати или диване в каком-нибудь алькове и выставлял её на пользование. Бывало, он сам начинал её целовать и ласкать, но сразу передавал её другим мужчинам. Любимая позиция Catherine – на спине, и она со вкусом описывает, каким образом проходили ласки и что в них она любила больше всего. Иногда она находилась в непрерывной активности такого рода в течение четырёх часов.

Можно правомерно заключить, что, чем больше мужчин стоит в очереди на женщину, тем менее вероятно жестокое отношение с ней, потому что если какой-либо вздумает произвести какую-либо жестокость, то стоящие в очереди не допустят, чтобы телу, которое вскоре должно удовлетворить их похоть, был бы нанесён ущерб или оно было бы выведено из

строю.

Представьте себе очередь за хрусталём, а кто-то вдруг начинает бросать камни в стоящие вазы и фужеры – да ему очередь руки-ноги переломает. А если бы очереди не было, то поодиночке далеко не каждый осмелился бы противостоять хулигану. Так и здесь. Да и по какой причине может возникнуть к женщине жестокость? Когда она кокетничает и не даёт, или не даёт в рот, или не даёт в зад. Тогда применяют силу, часто жестокую. А Catherine сразу и жадно давала куда угодно и кому угодно. Какая тут может возникнуть жестокость? – Только сплошная благодарность. Из этого вытекает глубокомысленный метод избавления от жестокости мужчин по отношению к женщинам – с помощью повсеместных и частых оргий.

Наслаждения Catherine иногда омрачались традиционными недугами любви. Вот что она о них пишет:

Большую часть своей жизни я еблась простодушно. Я имею в виду, что спать с мужчинами было для меня естественным делом, которое не тревожило меня неуместными переживаниями. Разумеется, что время от времени я испытывала кое-какие психологические осложнения (обманы, раненое самолюбие, ревность), но таким «убытком» можно было пренебречь. Я не была излишне сентиментальной. Мне нужна была нежность, и я её находила, но без нужды выдумывать любовные истории из сексуальных отношений (185).

Она со своей женской стороны подмечает характерную мужскую особенность, о которой я тоже писал со своей мужской:

Я испытываю глубокое восхищение феноменом приостановки времени в ощущениях любовников. Может пройти десять лет, даже двадцать или больше с тех пор, как мужчина занимался любовью с женщиной, но он продолжает говорить об этом и обращается к женщине так, будто это было вчера (56).

Избавиться от ревности ей не удавалось полностью, хотя способы против этого имелись. Вот как Catherine объясняет свою уязвимость:

Люди, следующие общественным нормам, более приспособлены для того, чтобы бороться с приступом ревности, чем те, кто следуют философии либертинов и оказываются беспомощными перед лицом страсти (65).

Та же неспособность к сопротивлению наблюдается у либертинов и по отношению к похоти, с которой обыкновенные граждане самоотверженно борются всю свою жизнь.

Острое желание – это наивный диктатор, который не может поверить, что кто-то может противостоять ему или даже причинить ему неудобство (158), – *афоризмирует Catherine*.

Она ревновала только тех мужчин, с кем она вместе жила. Так, одного своего сожителя Catherine ревновала лишь к той соблазнившей его женщине, что была красивее её (67).

А значит, Catherine должна была ревновать постоянно, так как быть красивее её было нетрудно (на суперобложке имеется её портрет). Но зато Catherine законно гордилась тем, что она первой начинала оргии и была лучшей хуесосательницей. Я, кстати, тоже первый начинал оргии и был (есть?) лучший пиздолизатель.

Catherine справедливо замечает, что ревность противоречит принципам сексуальной свободы. Но противоречие исчезает, если принять реалистическую точку зрения, что полной свободы, в том числе и сексуальной, существовать не может. А посему последствия этой «неполноты» всегда будут «тут как тут» и с ними приходится заключать мир, раз уничтожить их не представляется возможным.

Одним из методов борьбы с ревностью Catherine называет интенсивную мастурбацию (68). И действительно, ревность основана на неудовлетворённой похоти. Таким образом, борясь с похотью, борешься и с ревностью. А лучше, чем мастурбация, для удовлетворения похоти нет – об этом пишет Catherine, и не раз. А если ещё использовать вибратор, то вообще никто не нужен.

Когда Catherine впервые попробовала вибратор, она кончила мгновенно. Причём огромным чётким оргазмом и без всяких фантазий, которые при мастурбации пальцем ей были необходимы, чтобы достичь оргазма. Она была потрясена чудодейственной механикой. Получилась комичная и парадоксальная ситуация: при её постоянной тяге к множеству

партнёров, самый мощный оргазм она достигала в одиночестве. Вот когда она придумала название своей книге – *Сексуальная жизнь Катрины М.* – и громко хохотала, будучи наедине с собой в обществе вибратора (82).

Наличие ревности и прочих отходов любовного производства неизбежно вело к установлению границ, пределов. Catherine имела такой моральный принцип:

Табу – если живёшь с кем-то, – приглашать любовника без ведома сожителя, пока того нет дома (148).

Самодурство ревности Catherine описывает таким образом:

Во время оргии я могу запросто лизать пизду, в которую только что кончил мужчина, бывший сначала в моей пизде, но одна только мысль о том, что я вытираюсь полотенцем, которым вытиралась между ног женщина, втайне приходившая ко мне в дом... ужасает меня так же, как эпидемия проказы (150).

Уж и не знаю, как это назвать, как не «женской логикой». Я описывал в своём рассказе подобное: герой в присутствии радостно участвующей любовницы лижет пизду другой женщины, а когда при прощании он целует эту женщину в лицевые губы, любовница впадает в приступ ревности.

Из той же серии «женской логики», переходящей в область «женской гордости», и такая ситуация, которую описывает Catherine: она часто была ранима тем, что её одиноч-

ный партнёр не замечает её похоти, которая в ней вдруг возникала, но которую она никак не желала демонстрировать или даже намекать на неё. Мол, должен сам как-то почувствовать (159).

Так что оргия является панацеей как от ревности, так и невнимательности одиночного партнёра. На оргии не надо ждать догадливых партнёров, а достаточно лечь, развести ноги, и сразу образуется очередь удовлетворять женское желание. И женщине будет не до ревности, когда наслаждение полностью заменяет все её остальные чувства.

А вот вне оргий возникали сплошные сложности. Ну и как не посочувствовать Catherine:

Когда я пожаловалась своему близкому другу, как трудно поддерживать одновременно пять серьёзных отношений, он сказал, что трудность состоит не в количестве мужчин, а в установлении определённого баланса между ними. И поэтому он порекомендовал мне завести шестого (185).

Так шестой восстановил баланс и душевный покой. Вывод для женщин один – для душевного и телесного равновесия надо иметь не меньше шести постоянных любовников.

Недаром первая глава книги называется по-библейски «Числа», ибо самое существенное в сексуальной жизни Catherine, и, как следует из её описаний, – самое важное в сексуальной жизни всякой женщины – это число её сексуальных партнёров. В этом, как и в старозаветной писани-

не, вещающей о законах, – главный закон, перечёркивающий «единичную верность», и его можно сформулировать так: чем больше числа, тем лучше. Закон больших чисел.

Catherine познавала суть наслаждения, увеличивая количество мужчин и принимая их во все свои отверстия разом и последовательно. А, как известно, с помощью количества можно перейти в новое качество. Более того, количество можно рассматривать как верное средство, с помощью которого можно перейти в новое качество. И действительно, качество наслаждения от множественности партнёров становится чуть ли не принципиально иным по сравнению с тюремным однообразием моногамии.

Откровения Catherine можно наделять различными смыслами, и все они будут одинаково губительны для мифов о женской сексуальности, которые придумали мужчины, чтобы женщины послушно их повторяли и которым бы следовали на людях. Так можно считать, что эта книга противопоставляет оргию групповому изнасилованию. Причём открывается возможность снять это противопоставление с помощью модификации женского поведения, состоящего в честном взгляде на свои чувства и в следовании им уверенно и безоглядно. Единственная разница между групповым изнасилованием и оргией – это сопротивление женщины. Если женщинам взять пример с Catherine – не сопротивляться хуям, а всегда принимать их как носителей наслаждения, то изнасилования исчезнут: женщины своей доступностью смогут

полностью искоренить изнасилования. Catherine учит: не отталкивай, а прижимай, не страшись, а радуйся, лучше больше, чем меньше. Мужская же роль в оргии, помимо выполнения своих хуёвых обязанностей, сводится к почётной заботе о женских потребностях и её защите от жестокости.

Помимо этого, откровения Catherine ниспровергает мужскую сексуальность с пьедестала, который мужчины сами для себя выстроили и с которого они пытаются сверху вниз взирать на женщин. Мужская мечта – выебать всех женщин, – похвальна, так как косвенно говорит об их якобы сексуальной мощи. Мужские робкие попытки свершить свою мечту в самом лучшем случае завершаются владением гаремами, в которых подавляющее большинство женщин вынуждено утешаться мастурбацией, лесбийской любовью и редким любовником из евнухов. Хью Хефнер для важности появляется везде со своими шестью юными блондинками. А они, бедные, готовы на каждый хуй броситься, да на пути – контракт с Хью и охрана.

Для женщины же – само желание иметь больше одного мужа или любовника было постыдным даже среди самих женщин, оболваненных мужской моралью. А тут Catherine доказывает, что это вполне достижимая норма.

Один из подвигов Геракла состоял в лишении девственности 13 девушек за ночь. Ничего не говорится в этом мифе о том, доставил ли он им какое-либо наслаждение или просто проткнул. Также неизвестно, сколько раз он кончил

– 13 раз или три, а остальных брал сухостоем? Геракловский «подвиг» сразу становится смехотворным, если сравнить Геракловы способности со способностями любой женщины, а в особенности – Catherine. Она за ночь давала наслаждение мужчинам побольше, чем 13 раз, да ещё и сама наслаждалась по-всякому и многократно. Как убог миф о подвиге Геракла, когда есть настоящие подвиги Catherine?

Она вскрывает грандиозное сексуальное ничтожество мужчин по сравнению даже с одной женщиной. Жадные мужики мечтают о нескольких бабах одновременно. Что же может один мужик сделать с десятком баб? Кончит через три минуты с одной – и на боковую. Ну быть может, и доведёт с грехом пополам одну до одного оргазма. А остальные что, да и та, что только раскочегарилась одним-то? Ну а если научился тантрить, сдерживая оргазм, то что толку с того, что мужик сухостоем будет таранить пизду за пиздой. Бабам-то хочется, чтобы мужик в них кончал, чтобы излился семенем, а не работал, отдавая всю душу на сопротивление подступающему оргазму.

А вот если десять мужиков и одна баба, то – это радость ей удесятёрённая. И всем мужикам кончить удастся, и она наконец хоть кончит, и, скорее всего, не раз, и будет наслаждаться значительно дольше, чем всего лишь минуту-другую до скороспелого единично мужского оргазма, а целых полчаса (отпустим по три минуты на каждого мужика). Правда, когда по второму кругу пойдут, то тут ей радости подольше будет.

Когда люди хотят учиться какому-либо мастерству, они ищут мастера, человека опытного. Но чуть дело доходит до секса, люди устремляются внимать невеждам и самозванцам. Что может знать о сексе и чему может научить католический священник, который обязан быть неопытным по уставу. Чему может научить моралист, который проповедует воздержание только потому, что всю жизнь ему бабы не давали? Какому сексу может научить гордящийся своей моногамией и единобрачием добропорядочный членник общества? В лучшем случае научат глупости, что не нужно выпивать реку, чтобы познать вкус воды, а достаточно сделать один глоток, мол, все пизды одинаковые. Эта фальшивая мудрость выдаёт бессильное самоутешение неудачника, не имеющего понятия, что помимо воды существуют вино, соки, прохладительные напитки, минеральные воды и прочие прекрасные жидкости.

Поэтому если и прислушиваться, то только к таким людям, как Catherine, которая не только посмела обзавестись огромным опытом, но и осмелилась о нём рассказать невеждам, как воинственным, так и миролюбивым.

Всех же моралистов, монахов и прочих воздержателей следует лечить принудительным наслаждением, о котором я как-нибудь напишу отдельно. А на миру не смерть красна, а любовь, как доказала Catherine во всеуслышание, во всёувидение и во всеощупывание.

Сильная сторона книги Catherine Mellet в том, что нако-

нец-то женщина говорит небывалую правду о бывалых женщинах. Она срывает не только маски, но и всю одежду, выводит на чистую воду подлые мужские мифы о женщинах и даёт истинный портрет не только сексуальных желаний женщин, но и их возможностей свои желания удовлетворять.

Слабая сторона книги в том, что Catherine, отмыв наслаждение от грязи христианской морали, оставила его на растерзание моралистам, вместо того чтобы довести его до великой религиозной сути.

Так как всё её провозглашение правды основано только на правоте желания, такой фундамент оказывается недостаточно прочным при буре возмущения, которая исходит от фанатиков, оскропленных ортодоксальными религиями, во главе которых придуманный бесполой боженька, будь то отец, сын и святой душок или их дальний родственник.

Обоснованность правоты желаний и образа жизни Catherine зиждется на религиозной основе, которой Catherine почему-то пренебрегает, ибо не чувствовать её, испытывая оргазмы, она не может.

В детстве Catherine была натаскана на католицизм и считала себя очень религиозной, но, чуть она начала ебаться, вся её религиозность ёбнулась. И неудивительно – католикам нельзя ебаться с чистой совестью. Таким (ебальным) образом, Catherine стала атеисткой. И на этом моё сходство с ней резко кончается.

Её позицию можно понять – она так обожглась на своём

католическом Христе, что стала дуть на религию вообще. Не чувствовать трепет общения с Богом во время ебли, тем более такой, что длится часами и с множеством партнёров – было бы поразительной бесчувственностью для такой чувственной женщины. Получается, что Catherine продолжает традиции французского либертинизма, который был прежде всего антихристианский и остановился на атеизме. Самым злоязычным и либертинистым был маркиз де Сад. Ненависть к христианскому Богу была так сильна, что любая концепция Бога казалась ему отвратительной. И напрасно, ведь весь-то смысл либертинизма был в приближении к истинному Богу с помощью наслаждения.

Отношение к наслаждению лишь как к физиологическому удобству резко сужает горизонт и уводит человека в болото «греха», вместо выведения на путь к Богу.

Я это заметил и рассказал о божественности оргазма (см. моё эссе «Гонимое чудо» в вышеупомянутом «кирпиче»). На этом фундаменте я установил свои 8 заповедей и построил Храм Гениталий, и потому моя «сексология» высокоморальна.

Помните мои заповеди, что были установлены в Храме Гениталий? Вот они:

1. Познание бога даётся человеку в оргазме. Приближение к оргазму есть предчувствие бога.
2. Так как оргазм возникает в гениталиях, то они являют

собой божественное. Возбуждение, которое вызывают гениталии, есть истинный религиозный трепет.

3. Гениталии, будучи средством познания бога, являются объектами почитания, гордости и воплощением идеальной красоты.

4. Сокоупление и мастурбация – это богослужение.

5. Гениталии связывают нас с будущим благодаря деторождению, что есть чудо божественное. Потому гениталии не только взывают оргазмом к богу, но и творят чудеса его властью.

6. Любое изображение гениталий и их сокоупления есть икона.

7. Наслаждение изображением гениталий есть иконопочитание.

8. Проституция предоставляет любому доступный оргазм. В силу этого проститутки достойны преклонения, восхищения и благодарности.

Сексуальная жизнь Catherine вдохновила меня на добавление девятой заповеди:

9. Женщина, ищущая наслаждений с помощью доступности, находится на кратчайшем пути к богу.

Так, глядишь, скоро и десятую заповедь придумаю – тогда полностью заменю обрыдлые библейские.

Представить только, скольким мужчинам и по сколько раз Catherine доставила наслаждение, причём совершенно бесплатно (разве что наградив кое-кого гонореей, будучи сначала сама награждённой за своё любвеобилие). Да ещё сама сколько наслаждения получила! Это ли не жизненный подвиг женщины!

Надеюсь, Catherine Millet дорастёт до осознания божественности своей миссии на земле и будет представлять свою пизду не только «как птенца с постоянно раскрытым голодным клювом» (104), а как посредницу между смертью и бессмертием.

Из полицейской – в проститутки (Об удачной смене профессии)

**Cop to Call Girl by Norma Jean Almodovar.
New York: Simon & Schuster, 1993. 315 p. ISBN
0-671-79425-6.**

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2004. № 111.
В скобках указаны страницы приведённой книги.

События, описываемые в книге, произошли двадцать лет назад в Лос-Анджелесе. А взялся я писать о ней потому, что эта книга несколько не устарела, ибо излагает ещё один извечный и прискорбный пример того, как даже в самом демократическом обществе мудрые русские пословицы разворачиваются в весёлые и грустные события:

Закон как дышло – куда повернул, так и вышло.

Лучше с палкой по кустам, чем с сумой по тюрьмам.

Чем выше интеллект – тем ниже поцелуи.

Отдай жену дяде, а сам иди к бляди.

(«Русские бесстыжие пословицы и поговорки».)

Это документальное повествование ведётся от имени автора, героини книги Нормы Джин Алмодовар, которая поистине героиня, так как посмела с риском для собственной жизни восстать против несправедливости и жестокости. Это ли не герой по определению?

Я недавно познакомился с Нормой Джин в связи со своими писаниями о проституции, и она рассказала мне о своей книге. Во всех наших городских библиотеках эта книга была украдена (спрос!), и мне её заказали по межбиблиотечному фонду. Вот прочёл – и с вами делюсь.

Итак, невинная девушка из религиозной семьи приезжает в Лос-Анджелес. Она попадает в христианскую религиозную общину, в которой знакомится со своим первым мужчиной. Но для совокуплений требуется выйти замуж по законам общины. И Нора Джин выходит. И начинает томиться от быстро наскучившей семейной жизни, резко обедневшей сексом.

По чистой случайности она попадает учиться на полицейского – управлять автомобильным движением, а в основном штрафовать неправильно запарковавшихся шофёров. В итоге Норма Джин проработала штрафовальщицей десять лет.

Вскоре она развелась и стала активно совокупляться с коллегами-полицейскими. Многие из них являлись воплощением её идеала мужчины: высокие, стройные, красивые и мужественные. Но оказалось, что в постели большинство из них вели себя немужественно, некрасиво, низко и уродливо, то есть крайне себялюбиво и торопливо.

В процессе своей службы Норма Джин не раз и не два наблюдала, как некоторые полицейские злоупотребляли своей властью. Они вынуждали оказывать им сексуальные услуги как сотрудниц, так и уличных проституток. Занимались кражами и вымогательством, совокуплялись с малолетними. А

когда их в редких случаях ловили, полицейские отделялись лёгкими взысканиями или минимальными наказаниями. Норма Джин стала вести записи с намерением написать книгу о полицейских нравах.

Во время исполнения служебных обязанностей Норма Джин получила две травмы спины. Её стали мучать боли, а коллеги-полицейские, которым она проговорила, что пишет о них книгу, а также сотрудники-недоброжелатели стали её притеснять. Короче, Норме Джин стало тошно, и она ушла в отставку по состоянию здоровья.

Очень скоро встал вопрос – на что жить, пенсии по инвалидности не хватало. Случай свёл её с дорогой проституткой, которая рассказала о прелестях своей работы и познакомила Норму Джин со своей мадам. Норма Джин, решившаяся на эту предосудительную работу, руководствовалась славной перспективой получения наслаждения, за которое ей ещё будут платить деньги.

Норма Джин пишет так:

Я хотела работу, от которой бы я получала удовольствие, делая то, что я умею делать хорошо, и чтобы за это я получала хорошие деньги. Проституция давала именно то, что я хотела: я могла работать в любое время когда захочу, встречаться только с теми мужчинами, что мне нравились, ходить в лучшие рестораны со своими клиентами. К тому же я любила секс. Чего ещё можно желать? (67)

Норма Джин понравилась мадам, и та сразу пригласила первого клиента, весьма респектабельного пожилого господина, который обошёлся с новообращённой проституткой исключительно ласково и щедро одарил её за кратковременную услугу. Норма Джин на крыльях любви к новой профессии занялась ею с воодушевлением и вдохновением. Но она не перегружалась и не жадничала, а использовала обильное свободное время, чтобы продолжать писать свою книгу и наслаждаться жизнью, в том числе половой.

Норма Джин познакомилась с актёром, которому было 59, тогда как ей было 24. Он боялся к ней приставать из-за разницы возрастов и водил её по театрам и ресторанам шесть месяцев, не прикасаясь. Норма Джин думала, что он гомосек, так как не пытался делать «руконаложение». И тут вдруг Виктор (так звали актёра) заявляет ей по телефону, что больше с ней встречаться не может, так как платоническая любовь ему стала не под силу, а изнывает он от любви физической. Норма Джин оторопела – он ей нравился, но она виду не подавала, будучи уверенной в его безразличии к ней. Пригласила она его срочно к себе, и стал Виктор не ебать её, как все мужики, а лизать ей клитор, да так, что кончила она мощный раз и думала – всё, а он не переставал и довёл он её до кучи оргазмов. Тогда Норме Джин ничего не оставалось, как влюбиться. А ещё ведь Виктор и человек хороший, умный и преданный оказался. Короче, сплошное счастье пошло и даже съехались вместе жить, и, что самое важное, Виктор

поощрял её занятия проституцией.

Тем временем Норма Джин набрала такую богатую клиентуру из сплошных богачей, что описаниями любимой работы с ними полнится половина книги. Причём для многих клиентов были важны не столько совокупления, сколько разыгрывание различных фантазий, которые возбуждали клиентов настолько, что они кончали, часто даже не прикоснувшись к Норме Джин. Вот уж поистине с жиру богачи бесятся – им фантазию вместо живой ротогрудопиздожопы подавай.

Отслюнявливали они Норме Джин сотни и тысячи президентоголовых уе, а она только счастлива, что мужикам радость доставляет и сама в то же время получает, пусть не всегда сексуальную, то уж точно – денежную.

А дома Викторушка ждёт, всегда долизать готов.

В дополнение к мужчинам (деньга к деньге, а наслаждение к наслаждению) у Нормы Джин любовь к женщинам появилась, так что часто она с подружкой выступала перед очередным богачом с задухшевым лесбийским оргазмом, к которому, бывало, клиент присоединял и свой.

Поистине восторженную жизнь вела Норма Джин, и это говорю не я, а она сама. Но ничто не длится вечно – особенно сексуальные утехы.

В один непрекрасный день в квартиру Нормы Джин нагрянула полиция и арестовала её за нарушение общественного порядка: на неё якобы пожаловались соседи за то, что из её квартиры раздавался шум. А оказавшись в её квартире,

полицейские стали рыскать в поиске рукописи. Нашли её и самовольно изъяли. Рукопись пропала, а Норму Джин продержали в тюрьме несколько часов для острастки.

После быстрого на этот раз освобождения она стала с ещё большим удовольствием продолжать проститутничать и восстанавливать украденные полицией тексты. Безбедная жизнь продолжалась, но тут Норма Джин познакомился с клиентом, который предпочитал пожилых и полных женщин с лицом вовсе не обязательно привлекательным. У Нормы Джин сохранились отношения с бывшей коллегой Пенни, которая на редкость подходила по критериям, предъявлявшимся притязательным клиентом. Вот она и решила клиенту помочь и подруге дать порадоваться да подзаработать. Слово за слово, и Пенни, которой осточертела полицейская работа и маленькая зарплата, захотела познакомиться с богатым извращенцем. Она несколько раз приходила домой к Норме Джин, и та, добрая душа, простодушно делилась с ней секретами своего ремесла. Простите, искусства.

Но чем ближе подходило дело к свиданию Пенни с «любителем старины», тем больше подозрений закрадывалось в добрую душу Нормы Джин. И не зря – на Пенни были навешаны микрофоны и магнитофоны, она была подсадной уткой, с помощью которой полиция соорудила обвинения против Нормы Джин. Обвинения, состоящие в подстрекательстве Пенни на проституцию, то есть в сводничестве.

Закрутился кафкианский процесс. Закон предусматривал

за сводничество обязательное тюремное заключение от трёх до пяти лет, хотя за грабёж и разбой разрешалось давать срок условно. На такой безумной высоте находилась, да и по сей день находится, американская сексуальная мораль. (Так ещё в семидесятых в Калифорнии оральный секс между взрослыми считался преступлением и карался тюрьмой до пяти лет. До сих пор в законодательстве многих штатов существуют законы, по которым жестоко карается анальный секс между взрослыми.)

Норма Джин, не будь душой, подключила все СМИ, и журналисты поголовно заинтересовались бывшей полицейской, ставшей высокооплачиваемой проституткой да ещё пишущей книгу, разоблачающую нравы полиции Лос-Анджелеса. Её стали интервьюировать по телевидению, писать о ней статьи и всячески рекламировать.

Но в результате дурацкого поведения её адвоката, который отсоветовал ей выступать перед присяжными, те признали её виновной.

Судья решил проверить психическое состояние Нормы Джин, прежде чем выносить ей приговор. Её поместили на 50 дней в тюремную лечебницу, где было несладко, о чём она подробно рассказывает. Отстрадав там своё, Норма Джин оказалась на свободе благодаря либеральному судье, который дал ей этот срок условно, потому как он не пожелал приравнять сводничество к разбою в случае Нормы Джин, никогда не имевшей в прошлом судимостей. Но в результате

ей пришлось прекратить занятия проституцией, так как если бы её снова засекали, то условность срока была бы отменена и ей пришлось бы сесть в тюрьму.

Обрадованная вновь обретенной свободой, Норма Джин решила не отсиживаться втихаря, а вскоре подала в суд на городское управление за то, что её арестовали с бухты-баракты. Однако на ведение дела потребовалась такая громадная сумма денег (а их кроме как на проституции ей заработать было невозможно), что пришлось отозвать иск. Разозлённые городские правители выставили Норме Джин встречный иск с требованием, чтобы условный приговор отменили и чтобы её засадили в тюрьму.

Процесс, по-прежнему кафкианский, продолжался. А тем временем Норма Джин решила заняться политикой, чтобы отстаивать права проституток, легализировать их доброе дело. Она решила баллотироваться на мелкую должность в городском управлении и в итоге набрала сто тысяч голосов, но всё равно проиграла какому-то непроституту. Однако сто тысяч тоже не шутка, да и рекламы было на весь мир – на всех шоу от *Донахью* до *60 минут* побывала да лекций по университетам и разным организациям начитала впрок на 20 лет. Но, как видим, проку мало – до сих пор проституция в Штатах почитается за кровавое преступление с отягчающими обстоятельствами.

Накатившееся судилище отменило-таки условность срока, и засадили Норму Джин на оставшиеся 18 месяцев, по-

тому как городской прокурор утверждал, что её преступление хуже грабежа. А преступление-то, напомним, состояло в том, что Норма Джин предложила своей старой и непривлекательной подружке редчайший для неё шанс – поразвлечься за деньги. Никто это обвинение всерьёз не принимал, кроме самого суда, – все понимали, что полиция мстит за то, что Норма Джин хочет книжку издать про них, разоблачающую.

Помощь влиятельных клиентов-друзей Нормы Джин в данном случае тоже не помогла, но они не оставляли её в беде, что было очень важно и показательно, как продажная любовь порождает друзей.

От звонка до звонка отсидела Норма Джин, но книжку потом издала, о которой шум стоял. Да сайт её имеется: <http://www.iswface.org>

А теперь можно пожевать кое-какие детали книжки.

Развенчивая мифы о мужественных полицейских-любовниках, Норма Джин как заметно, так и незаметно для себя развенчивает и другие мифы. Мифами даже всё это называть слишком жирно – выдумки это, а не мифы.

Вот одна выдумка о девичьей (женской) стыдливости. Норма Джин рассказывает, что в девичьей молодости она была полновата и ужасно стыдилась своих лишних фунтов. Встречаясь со своим религиозным первым мужиком, она ему отсасывала, но совокупляться не позволяла, якобы из-за своей религиозности: как же – не расписались. Но когда их

обвенчали и настала первая брачная ночь, где предполагалось дозволенное религией раздвигание ног, Норма Джин не позволяла уже мужу зажигать свет, так как боялась, что муж увидит её толстое тело голым. И долго ещё она пряталась в темноту. Муж небось умилялся стыдливости своей жены, а она зажгла бы прожекторы и на себя их напустила, если бы тело её представлялось ей красивым. Чем в общем потом и занималась, когда сбросила лишнее и похорошела.

Так что женщина ищет темноты не из-за стыдливости и желания скрыть свою наготу, а из-за того, что свою наготу она считает недостаточно красивой.

Открытие Нормы Джин, что полицейские – дурные любовники, является открытием вовсе не аномалии, а закономерности. Опьянённые своей мужественностью и властью, полицейские видят смысл полового акта лишь в удовлетворении женщиной мужчины.

Большинство из них считало, пишет Норма Джин, что половой акт подобен пользованию пистолетом: целься и стреляй (25).

Однако именно в полиции, борющейся с проституцией, должны работать дрянные любовники, потому что, будь ты хороший любовник, а значит, любящий женщин, а значит, умеющий доставлять им наслаждение, то такой мужчина не смог бы притеснять проституток – самых женственных из женщин. Только разного рода импотенты, скорокончающие, озлоблённые на женщин мужики будут составлять славные

ряды борцов с проституцией.

Полицейские относятся к социальной группе «бойцов», а бойцы должны биться с врагами и времени на удовлетворение женщин у них нет. Если боец в процессе «вечного боя» возьмётся подолгу убаживать женщину, вызывая у неё оргазм за оргазмом, то его убьют враги во время этого длительно-го совокупления. Поэтому задача всякого бойца как можно быстрее излить сперму и снова броситься в бой. Хорошие любовники – это не бойцы, это артистические, творческие натуры, для которых долгое занятие любовью является не угрозой для жизни, а её целью и смыслом.

Значительное количество женщин бросается на красивых бойцов, так как те дают здоровое бойцовое потомство, необходимое для выживания человеческого рода.

Кредо полицейских, вспоминает Норма Джин:

если женщина получает наслаждение от ебли – то она блядь (27).

Увы, это кредо не только полицейских, такое восприятие женского наслаждения только в конце XX века начало понемножку вытесняться из центра морали на её периферию. Сия убеждённость очень выгодна мужчине-бойцу – она психологически и нравственно оправдывает его сексуальный эгоизм и снимает с него всякую ответственность за наслаждение женщины, более того, это убеждение позволяет ему любить именно ту женщину, которая к нему равнодушна, то есть наслаждения с ним не испытывающую.

Чувствуя свою любовническую слабость, бойцы-полицейские укрепляют свой дух ненавистью к тому, что у них плохо получается. А так как плохо получается у них с женщинами, то и ненависть легко и логично обращается на них.

Норма Джин однажды согласилась дать своему коллеге, который служил в полиции нравов и занимался тем, что с партнёром «очищал» улицу от проституток. Оказавшись с Нормой Джин наедине и голышом, он искусал в кровь её губы и соски и вопил, что все вы бляди и любите, когда вас кусают (32). Норма Джин от него еле отбрыкалась.

Неудивительно, что она нашла своего идеального мужчину в Викторе, который был актёром и на четверть века её старше. Он мальчиком подрабатывал в борделе, подавал полотенца, а когда вырос, служил там вышибалой. Проститутки, покой которых он охранял, научили его тому, что требуется всякой женщине.

Многие спрашивали Норму Джин, не испытывает ли она унижение, продавая своё тело. На что она отвечала:

Я испытывала унижение, когда полицейские ебли меня, не заботясь о моих чувствах и даже не предлагая мне денег за пользование моим телом (40).

Слово «полицейский» можно часто и без ущерба для смысла заменить на «муж», «любовник», «начальник» и пр.

И потому так понятен женский крик души: «Или доябывай или уябывай!»

На первом допросе, когда Норму Джин пытались тщетно

уличить в занятии проституцией, она сказала:

– Я брала деньги за секс, только когда была замужем.

Следователь обрадовался:

– То есть Вы занималась проституцией, будучи замужней женщиной?

И Норма Джин пояснила общесемейную ситуацию:

– Мой муж зарабатывал деньги, чтобы содержать меня и чтобы я занималась с ним сексом (120).

Радости проституточной жизни, которые описывает Норма Джин и от которых не отказалась бы никакая женщина, имели место только потому, что Норма Джин была дорогой Callgirl. «Порш-титущия» (70) – так называла она свою работу. Её радовала не только простота и радость, с которой зарабатываются деньги, но также и то, что её профессия состоит в том, чтобы доставлять людям наслаждение (72).

Проработав десять лет в полиции, столкнувшись с самыми жуткими сторонами человеческого бытия, Норма Джин не стала циничной и душа её не очерствела. Так что одна из опасностей работы проституткой – стать чёрствой и циничной от наслаждений, которые ты доставляешь людям, – вероятность ещё меньше (74).

Другая опасность занятия дорогой проституцией – жадность, желание заработать как можно больше денег – Норму Джин тоже не подстерегала, так как она писала книгу, а на это требовалось много времени.

Так что Норма Джин была вне всякой опасности.

Конечно, не стоит забывать, что жизнь уличных проституток или проститутток, живущих в борделях, значительно отличается от жизни дорогих callgirls. Но плох тот солдат, который не хочет стать генералом. И в то же время нам не нужны сплошные генералы, нам нужны армии повсеместно доступных солдат, а точнее солдаток, а ещё точнее – даток.

Настоящая проститутка – большая умелица. Вот наглядно-чувствительный пример. Клиент хочет, чтобы проститутка ему отсосала, причём обязательно без презерватива. Та, что не хочет этого делать и отказывается, либо теряет клиента, либо нарывается на скандал. А умелицы делают так: они соглашаются, но незаметно кладут презерватив себе под язык. Когда они берут головку в рот, то прижимают к ней языком презерватив и, двигаясь губами вниз по стволу члена, одевают презерватив, губами же его раскатывая. Доказано, что мужчина при таком тесном языковом и губном контакте не замечает одетую резинку, а когда он изливает семя, то незаметно снять губами презерватив с уменьшившегося в размере члена, да ещё чуть помогая пальцами, не составляет труда, а там и быстро его спрятать (301).

В этой связи фраза, невзначай используемая Нормой Джин в тексте, когда она описывает один из минетов, которые она творила, приобретает особый смысл. Orally manipulating him (130) – по смыслу имеется в виду «работая ртом», но дословно получилось: «орально манипулировать».

А ведь «manus» по-латыни – это «рука»: вот и получается минет не только ртом, но и рукой. Но какой же это минет, если рукой? Так что оказалось, что в этой фразе раскрылась хитрость проститутки, которая незаметно подменяет рукой устающие рот и язык.

В итоге, меня продолжают одолевать те же, чуть ли не параноидальные, мысли от ещё одного примера злодейского устройства общества. Мораль учит людей с детского возраста, что секс – это дело второстепенное, что в жизни есть вещи поважнее. Однако усилия общества по подавлению секса настолько велики, всеобъемлющи и преобладающи над всеми остальными усилиями, что самим этим государство доказывает, что ничего важнее и сильнее секса в жизни человека нет. Появление новых законов, связанных с сексуальными домогательствами (sexual harassment), и ревностное преследование виновных, согласно этим законам, лишь подтверждает параноидальную и злобную заикленность общества на притеснении сексуальной сути человека.

Забавно, что гомосексуалисты подловили государство на его собственных ограничениях. Государство официально признаёт сексуальные общения только в браке и поощряет супругов финансовыми и социальными подачками. По недогаду государство не ввело определение брака как союза мужчины и женщины для производства пушечного и прочего мяса, полагая это само собой разумеющимся. Теперь, не в силах держать за горло каждого гомосексуалиста, государ-

ство стало смотреть на них сквозь пальцы, и тут-то гомосексуалисты решили назвать свои союзы браками и требовать тех же государственных благ, что и гетеросексуальные супруги. В этих требованиях гомосексуалистов ничего сексуального нет, а есть лишь голая экономика. Вместо невозможного для них производства мяса они предлагают воспитывать уже произведённое, но бесхозное.

Казалось бы, самый разумный выход для государства – это прекратить благоволение и поощрение традиционному браку и не давать подачек супругам, не насаждать гетеросексуальный брак мужчины и женщины как единственную форму общежития, а принять и не преследовать любые формы сожительства – живите как хотите: парами, тройками, группами, многожёнными, многомужными – лишь бы в любви и радости, чтобы дети в счастливом детстве проживали, что вовсе не гарантируется имеющейся папа-мама структурой. Но нет, у государства пока не хватает духа принять многообразную форму семьи – у него есть любимая и единственная – традиционная семья (мама-папа с обязательной друг дружью верностью), а все остальные сообщества охаиваются и преследуются. А делается это потому, что в традиционном браке гарантируется постепенное, но надёжное умирание похоти, тогда как более подвижные «группировки» создаются для того, чтобы поддерживать огонь похоти. Государство же одержимо одним – загнать всю похоть в медовый месяц и там её прикончить.

Если наказывать человека за отправление жизненно необходимых желаний, то он становится постоянным заложником государства, ибо можно заведомо быть убеждённым, что человека всегда есть за что наказать. Христианская концепция рождения во грехе, когда человек обречён на виновность самим своим рождением, переносится на гражданско-юридическое поле: человек оказывается постоянно виноват в преступлении закона, который притесняет и ограничивает пользование собственным телом в самом интимном и важном его бытии.

Подавление и ограничение сексуальной активности происходит не только с помощью законов и наказаний, но и с помощью дезинформации: внедрения мифов и лжи – о моногамии, верности, важности девственности, вредности мастурбации, уродства половых органов, греховности помыслов и поступков, связанных с нерегламентированной еблей, позорности и ужасности проституции и пользовании ею.

Несколько из этих мифов Норма Джин постаралась развенчать, поставить их на место.

Я же всё диву даюсь, насколько эти мифы-басни живучи, несмотря на то, что жизнь попирает их на каждом шагу. Уж не являются ли они специально выстроенными препятствиями, на преодолении которых выверяется сила духа? Преододел их, поправ – освободился и вышел на новые высоты наслаждений, принял их – остался рабом и долбишь себя виной за редкий оргазмик.

Свобода мысли всегда основана на свободе секса. Берите пример с Эйнштейна (см. с. 385–409 в: *Михаил Армалинский*. Что может быть лучше? М.: Ладомир, 2012. ISBN 978-5-86218503-4).

* * *

P.S.

Чешская Республика наконец-то задумалась о легализации проституции. Баптисты и прочая яйцеперевязанная и тухлаяйца шушера написали в Чешское правительство жалобу-мольбу, чтобы не позволяли ебаться за деньги безнаказанно. Норма Джин написала толковое ответное письмо в то же Чешское правительство, чтобы, мол, обязательно проституцию привечали. Я это письмо тоже подписал (см. на <http://www.iswface.org>). Кто знает – может, когда в Чехию слетаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.